

РОССИЯ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Азиатские «тигры» и Россия: страшен ли бюрократический капитализм?

В.А. КРАСИЛЬЩИКОВ

Автор рассматривает тезис о том, грозит ли России капитализм азиатского типа с главенством бюрократии, господством крупных конгломератов в экономике наподобие корейских чеболей и авторитарным режимом. В статье анализируются предпосылки и механизм форсированной индустриализации стран Восточной и Юго-Восточной Азии, причины азиатского кризиса 1997—1998 гг. Большое внимание уделено социальным аспектам развития в Восточной и Юго-Восточной Азии, с одной стороны, в бывшем Советском Союзе и постсоветской России — с другой. Используя отечественную и международную статистику, автор приходит к выводу, что в действительности установление азиатского капитализма с соответствующим политическим режимом (авторитаризмом развития) вроде того, что существовал в Южной Корее, в Малайзии или на Тайване, было бы для России громадным шагом вперед по сравнению с сегодняшним днем.

1. Вместо введения:

зачем нам нужен опыт Восточной Азии

Минувший век преподнес нам немало исторических сюрпризов и часть из них благополучно передал XXI столетию. Один из таких сюрпризов — феномен новых индустриальных стран (НИСов) Восточной и Юго-Восточной Азии (В/ЮВА), именуемых в переносном смысле «драконами» или «тиграми»¹.

Этот феномен имеет самое непосредственное отношение к России по ряду причин. Во-первых, сегодня ни у кого не вызывают удивления автомобили из Южной Кореи, компьютерные мониторы из китайской провинции Тайвань или музыкальные центры из Малайзии, хотя 30—40 лет назад вряд ли кто-нибудь в СССР мог представить себе, что его дети будут пользоваться всеми этими технически сложными вещами, привезенными из отсталых в то время стран. Такой

¹ К этим странам относят Южную Корею, Сингапур, Гонконг и китайскую провинцию Тайвань (Тайбэй), которые составили первую группу НИСов, а также Малайзию, Таиланд и Индонезию, образующих их второй эшелон. К Восточной Азии следовало бы отнести и Японию — в силу как географического местоположения, так и своеобразной модели догоняющего развития, во многом заимствованной её соседями по региону. Однако развитие Японии в данной статье не рассматривается.

парадокс сам по себе уже заслуживает внимания в качестве предмета изучения, особенно на фоне дрейфа стран СНГ — осколков бывшего Советского Союза — к периферии мировой экономики.

Во-вторых, М. Вебер, на идеи которого у нас стало модно ссылаться за последние 15 лет, свою концепцию возникновения капитализма благодаря протестантской этике строил не только на позитивном материале Европы. У него перед глазами был и негативный пример Востока.

Как известно, на Западе долгое время считалось, что законы развития капитализма универсальны, и рано или поздно капитализм с демократией распространятся по всему миру. В частности, казалось, что коль скоро английские пушки всколыхнули и привели в движение Китай, втягивание Поднебесной империи в мировую капиталистическую систему, как и разложение царивших в Китае порядков, станет делом предопределённым (см.: [Маркс 1957, с. 99 — 100]). К. Маркс и Ф. Энгельс весьма точно выразили доминировавшие в середине XIX в. и восходившие к эпохе Просвещения универсалистские идеи о неизбежности капиталистической экспансии по всему миру с последующим неотвратимым торжеством принципов свободы, равенства и братства в Китае (см.: [Маркс, Энгельс 1956, с. 234]). Но уже в конце XIX в. эти идеи были поставлены под сомнение, ибо капитализм в ходе своей колониальной экспансии натолкнулся на сопротивление цивилизационного материала китайского общества. Подчинив себе Индию, Юго-Восточную Азию, вобрав в орбиту своего влияния Японию при сохранении ее государственной независимости («революция Мейдзи»), он смог закрепиться в Китае лишь в прибрежных районах и принял там к тому же весьма уродливый вид. Да и в других странах Азии капитализм долгое время оставался пришельцем, который так и не сумел пустить глубокие корни в ткань социума. Все это нужно было как-то объяснить, дать новые ориентиры и для теории, и для практики. Макс Вебер и попытался это сделать. Он выдвинул тезис о том, что индуизм, буддизм, ислам, даосизм, другие религиозно-философские системы Востока не несут в себе никакого «капиталистического духа», который присущ протестантизму с его аскезой, «ориентирующей человека на достижительное поведение — индивидуальный успех и индивидуальное спасение, рациональную деятельность [Weber 1978, р. 630]. Но в последней четверти XX в. Восточная и Юго-Восточная Азия показала всему миру чудеса капиталистического развития, став самым динамично развивающимся регионом планеты. Что произошло? Ведь вряд ли религиозно-философские системы этого региона могли в одночасье измениться и стать прекрасно совместимыми с капитализмом. Значит, изменился капитализм? Но как? Что в капитализме XX в. оказалось такого, что сделало его созвучным буддизму, даосизму, конфуцианству, но чего, судя по всему, не хватало капитализму во времена Вебера?

В-третьих, опыт НИСов Азии, а также и Китая по-новому высвечивает проблему догоняющего развития. Почти весь XX век прошел под его лозунгом — начиная с большевистской модернизации в России и реформ Кемалю в Турции. В 1950—1960-х годах догоняющее развитие стало путеводной звездой для многих стран Азии и Африки, освободившихся от колониальной зависимости и стремившихся как можно ближе подтянуться по уровню социально-экономического развития к лидерам мировой экономики. Пример СССР и Японии показывал, что в принципе это возможно. Тогда мало кто сомневался в радужных перспективах третьего мира. Однако события 1970-х годов поколебали ряды

Азиатские «тигры» и Россия...

оптимистов. В это время потерпели неудачу многие программы развития, осуществлявшиеся в странах Азии и Африки, а в Камбодже (1975 г.) и в Иране (1979 г.) произошли события, которые вполне можно было истолковать как революции против прогресса. К ним следует добавить и деградацию советской власти в Средней Азии (именно в 1970-х годах в Ферганской долине возникли очаги исламского фундаментализма как реакция на навязанную русскими и КПСС форсированную модернизацию), и начавшееся брожение в Афганистане, неадекватно воспринятое тогдашним советским руководством.

Позже, в 1980-х годах, с огромными трудностями на пути индустриальной модернизации столкнулись страны Латинской Америки, часть которых приступила к форсированному развитию еще до Второй мировой войны, но так и не смогла радикально сократить свое отставание от Запада. И распад Советского Союза также можно считать концом длительного этапа догоняющего развития, ускоренной модернизации XX в. в границах «большой» России. Как заметил французский исследователь Р. Шавиньи, «фаза российского развития исторически соответствовала советскому режиму» [*Chavigny* 1997, р. 728]: закат советской системы означал вместе с тем и конец модернизации в России. Ведь «движения за демократию» в союзных республиках, включая и Российскую Федерацию, по сути представляли собой выступления против модернизации, использованные правящей партийно-хозяйственной номенклатурой в своих интересах, пусть даже ценой деградации и архаизации общества. Можно сказать, что на просторах СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов имела место запоздалая реакция полутрадиционных и традиционных обществ против форсированной индустриальной модернизации, которую проводили большевики с 1930-х годов [*Соловей* 2002, с. 87].

На фоне явных неудач догоняющего развития НИСы Азии выглядели как своеобразное исключение из общей картины, сложившейся в бывшем третьем мире. Правда, после кризиса 1997—1998 гг., поколебавшего веру в прочность азиатского «чуда», восторженные оценки достижений «тигров» стали слышаться реже, но отнюдь не исчезли совсем. Недаром в 2002 г. Экономическая комиссия ООН по Латинской Америке (СЕПАЛ/ЭКЛА) провела в Сантьяго и Рио-де-Жанейро представительный международный семинар, посвященный сегодняшнему значению опыта НИСов Азии для латиноамериканских стран [*CEPAL/ECLAC* 2002].

В России же азиатский кризис побудил даже некоторых серьезных исследователей, не говоря уже о доморощенных знатоках всего и вся, сделать далеко идущие выводы о принципиальной невозможности догоняющего развития в постиндустриальную эпоху, о неизбежном новом, еще более остром, чем в 1997—1998 гг., кризисе восточноазиатских экономик. Как отмечал недавно В. Иноземцев, «стабильность экономик Японии и стран Юго-Восточной Азии — самая большая хозяйственная иллюзия нашего времени» [*Иноземцев* 2003; см. также: *Иноземцев* 1999, с. 301—307 и след.; *Иноземцев* 2000а, с. 94—109; *Иноземцев* 2000б, с. 83—86]. Проецируя этот вывод на Россию, следует признать обреченность любых попыток преодолеть нынешнее отставание страны от лидеров мировой экономики, согласиться на периферийное положение России в мире. Правда, Иноземцев подчеркивает, что у России еще сохраняется шанс достичь высокого уровня индустриального развития — такого, который был достигнут странами Западной Европы в середине 1960-х — начале 1970-х годов минувшего

столетия и с которого начался их переход к постиндустриальному обществу [*Иноземцев* 2000а, с. 262—266]. Впрочем, это не такой уж и низкий уровень. Ему — во всяком случае, по ряду формальных показателей типа валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения или продолжительность жизни людей — в 1990-х годах и в начале 2000-х годов соответствовали такие азиатские НИСы, как Южная Корея, Тайвань и Малайзия, разумеется, с поправкой на информационную революцию. И если бы России действительно удалось достичь уровня стран ЕС 30-летней давности, это было бы огромным достижением.

Однако действительно ли НИСы Азии исчерпали все возможности догоняющего развития и их, а также Японию и Китай в будущем ожидают лишь кризисы и упадок? Очевидно, в этом следует разобраться, не ограничиваясь анализом финансовой сферы, на что сделали упор те, кто исследовал причины и механизм развития азиатского кризиса 1997—1998 гг. Как следует разобраться и в том, может ли Россия повторить «тигриный прыжок», удвоив за 10 лет свой ВВП. Надо полагать, что опыт азиатских НИСов, и положительный, и отрицательный, в этом отношении представляется весьма ценным.

Наконец, четвертое соображение в пользу того, чтобы внимательно присмотреться к траектории развития стран В/ЮВА, связано с тем, что некоторые российские политики и ученые пугают нас перспективой установления бюрократического капитализма азиатского типа — «режима крепких хозяйственников», который в смысле авторитарности может оказаться еще похлеще советской власти [*Рыжков* 1999], чеболлизацией экономики, т. е. подчинением ее диктату нескольких крупных компаний наподобие корейских чеболей, от которых нельзя ждать ничего, кроме сверхэксплуатации трудового народа и кризисных потрясений. «...Диким анахронизмом выглядит идущий сейчас процесс "чеболлизации" российской экономики, — утверждает Г. Явлинский [*Явлинский* 2002, с. 14]. Но насколько оправданны страхи перед чеболлизацией, не стоит ли за ними желание подменить понятия на основании внешнего сходства отдельных (но далеко не всех) признаков капитализма в Южной Корее и строя, возникшего в России? Не сложилось ли уже в России нечто гораздо худшее, чем тот самый «капитализм азиатского толка»?

В то же самое время нужно иметь в виду, что многие программные установки и влившееся (надолго ли?) в «партию власти» движения «Отечество — вся Россия», и КПРФ объективно перекликаются с тем, что на практике делали правившие за последние 20—30 лет в странах В/ЮВА режимы. Ведь в российской правящей верхушке вполне может произойти раскол, т. е. может повториться ситуация 1998—1999 гг., и тогда на поверхность всплывут идеи и принципы, многие из которых на самом деле осуществлялись в НИСах Азии — принципы государственного капитализма, только ориентированного не на экспорт сырья, как сейчас в России, а на производство промышленных товаров. И тогда изучение феномена «азиатского капитализма» станет уже изучением и самой российской действительности, если, конечно, сохранится Россия.

Наконец, история взлёта и трудностей НИСов Азии может помочь нам лучше понять свою собственную историю, в том числе упущенные шансы на новую модернизацию. Как говорил мне один сингапурский дипломат, сложившаяся в его стране система во многих отношениях похожа на ту, которая существовала в России в советские времена. Интересно, что сходные мысли осенью 1998 г. высказывал в разговоре со мной и сотрудник российского посольства в

Азиатские «тигры» и Россия...

Куала-Лумпуре. Разговор проходил неподалеку от «Петронас Туин тауэрс» — двух самых высоких небоскребов в мире по 450 м каждый, символизирующих прорыв Малайзии к вершинам индустриального прогресса. «Все, что мы с вами видим вокруг, — говорил мой собеседник, — это воплощение наших упущенных возможностей». Уточню, что речь шла о возможностях как постсоветской России, так и бывшего Советского Союза.

С чего же начиналось «чудо», продемонстрированное «тиграми» и «драконами» Азии? В чем состояли секреты их успехов до середины 1990-х годов?

2. Стартовые условия, государство и бизнес

Первое поколение НИСов (first-tier tigers) — Южная Корея, Гонконг, Сингапур и китайская провинция Тайвань — начинало свою индустриальную модернизацию в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов. Страны второго поколения «тигров» (second-tier tigers) — Малайзия, Таиланд, Индонезия — приступали к широкомасштабной индустриализации позже — в 1970-х—1980-х годах.

Чтобы оценить уровень, с которого стартовали будущие НИСы, стоит взглянуть прежде всего на показатель среднедушевого ВВП, исчисленного по паритету покупательной способности (ППС) валют, проследив заодно его динамику до начала 1990-х годов (ситуация 1990-х — начала 2000-х годов будет рассмотрена ниже). Для сравнения приведем также соответствующие данные по США и Японии (табл. 1).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в 1950-х—1960-х годах уровень социально-экономического развития будущих «тигров» был значительно ниже, чем в СССР в целом и в Российской Федерации в частности (и ниже, чем во многих странах Латинской Америки, кроме самых бедных и отсталых из них). В 1960 г. лишь в Гонконге среднедушевой ВВП (3 134 долл. в год) превышал аналогичный показатель в Бразилии, соответствуя примерно уровню Мексики (3 155 долл.). Остальные будущие НИСы существенно (в 2—4 раза) уступали в то время по ВВП на душу населения большинству латиноамериканских стран, тем более богатым Аргентине и Венесуэле. Однако 30 лет спустя, в 1990 г., среднедушевой ВВП в Сингапуре в 3 с лишним раза превышал соответствующий показатель в Аргентине и в 4 раза — в Бразилии, хотя в 1960 г. по этому показателю Бразилия и Сингапур стояли приблизительно на одном уровне. Жители Южной Кореи, имея в 1960 г. ВВП в среднем в 4 раза меньше ВВП среднего жителя латиноамериканских стран, в 1990 г. получали ВВП на душу населения в 1,7 раза больше, чем их современники в странах Латинской Америки (рассчитано по: [Maddison 2001, p. 277, 288—291, 304—305]). При этом в социальном плане в рассматриваемых странах накануне их модернизационного рывка царилла поистине удручающая картина. Огромные массы населения в Гонконге и, особенно, в Сингапуре жили в джонках — плавающих домиках, которые одновременно служили и транспортными средствами. В Малайзии большинство жителей влачили существование на грани бедности и нищеты, страдая от тропических болезней, а в Южной Корее простой люд в первые годы после войны между Севером и Югом для пропитания и вовсе довольствовался древесной корой и крысиными тушками [Авторитаризм и демократия в развивающихся странах 1996, с. 108].

Таблица 1 **ВВП на душу населения в США, Японии, СССР и России, новых индустриальных странах В/ЮВА 1960—1990-е годы**
(в долл. 1990 г. по ППС валют)

Страна	Год						
	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
США	11328	13419	15030	16284	18577	20717	23214
Япония	3988	5934	9715	11349	13429	15332	18789
Гонконг	3134	4825	5695	6990	10503	12764	17491
Сингапур	2310	2667	4438	6429	9058	10896	14258
Тайвань, провинция КНР	1499	2064	2987	3988	5938	8198	9910
Южная Корея	1105	1295	1954	3162	4114	5670	8704
Индонезия	1019	990	1194	1505	1870	1972	2516
Малайзия	1530	1804	2079	2648	3657	4157	5131
Таиланд	1078	1308	1694	1959	2554	3054	4645
Филиппины	1475	1631	1761	2028	2369	1964	2199
Россия (РСФСР) *	4029	4845	5968	6693	7085	7463	7762
СССР (в среднем)	3935	4626	5569	6136	6437	6715	6871
Мир в среднем	2781	3237	3748	4102	4521	4763	5154

* Объем ВВП на душу населения в России рассчитан с учётом доли РСФСР в общем объеме производства в Советском Союзе (57—58 %) и на основе данных об объеме производства в натуральном выражении и так называемых согласованных индексов экономического роста (подробно см.: [Пономаренко 2002, с. 82—85, 90 и след.]). Источники: [Maddison 2001, р. 279, 304-305, 330, 341]. Данные по России за 1960—1985 гг. рассчитаны по: [Ibid., р. 184—185, 329, 339; Пономаренко 2002, с. 227, 233, 239; Народное хозяйство РСФСР, 1976, с. 5; Народное хозяйство РСФСР, 1987, с. 8; Народное хозяйство СССР, 1970, с. 9].

Очевидно, что пройденный Южной Кореей путь — от поедания древесной коры до экспорта автомобилей и компьютеров — или Малайзией — от собирания сока гевеи до самой протяженной в мире линии метрополитена, где поезда управляются компьютером, впечатляет. При этом следует подчеркнуть, что сначала Япония, а затем восточноазиатские НИСы вместе с примкнувшими к ним позже Китаем и Индией образовали единственный в мире незападный регион, которому к концу XX в. удалось в значительной мере сократить свое отставание от Запада [Maddison 2002, р. 31—32]. Это наводит на мысль о некой общей для стран В/ЮВА модели развития, несмотря на все очевидные различия между ними, которые сохраняются и поныне (в размерах территории, структуре общества и экономики, этническом составе населения, конкретных методах политики форсированного роста, культуре и традициях).

Прежде всего у стран региона был примерно один и тот же мотив к проведению ускоренной модернизации — необходимость найти ответ на комплекс угроз, которые в 1960-х—1970-х годах прошлого века буквально нависали над ними. Эти угрозы были связаны в первую очередь с противоборством двух сверх-

Азиатские «тигры» и Россия...

держав, обусловленным логикой холодной войны и проявившимся в горячей войне во Вьетнаме. На это противоборство накладывалось и развернувшееся в то время соперничество между СССР и Китаем, КПСС и КПК за право претендовать на роль светоча для угнетенных азиатских народов. При этом в некоторых странах, в частности в Малайзии, действовали подпольные компартии маоистского толка со своими вооружёнными формированиями, немало досаждавшие как местным правителям, так и американцам, которым коммунистическая угроза мерещилась чуть ли не под каждым кустом. Наконец, почти во всех странах В/ЮВА существовало множество местных социальных и этнических проблем, с которыми невозможно было справиться без глубоких общественных преобразований. Например, в той же Малайзии в 1969 г. произошли кровавые столкновения между малайцами и местными китайцами, в результате чего были убиты и ранены многие сотни человек.

Чтобы противостоять всем этим угрозам, необходимо было укрепить внутреннюю стабильность, превратиться в активных субъектов международных отношений, добиться уважения со стороны более крупных государств². Для этого требовались решительные действия по ускоренной модернизации общества и экономики. Фактически, по словам М. Кастельса, развитие для восточноазиатских стран было не целью, а средством, чтобы выжить и сохранить самостоятельность в неблагоприятной обстановке [Castells 1998, p. 271—272].

В отличие от политиков, высших бюрократов и бизнесменов стран **В/ЮВА**, правящая верхушка Советского Союза могла чувствовать себя в безопасности. Действительно, вторая половина 1960-х — начало 1970-х годов — время наибольшего могущества и наименьшего отставания «большой» России—СССР от передовых стран Запада в социально-экономическом и технологическом отношении за всю писанную историю соперничества России с Западом, а в стране сложился потенциал для нового витка модернизации. Не было только соответствующих политических лидеров модернизационного процесса, как не было и желания самих правителей «заглянуть за горизонт». Прогнозы касательно того, что будущее страны может оказаться отнюдь не безоблачным, с которыми к власти обращались люди из второго эшелона правившей номенклатуры и близкие к ним интеллектуалы, игнорировались.

Что касается сегодняшних российских правителей, то они могли бы поучиться у политиков азиатских НИСов недавнего прошлого умению использовать сложившуюся вокруг них неблагоприятную ситуацию себе во благо. Несомненно, такое умение предполагает незаурядное политическое мастерство лидеров модернизирующихся стран, их способность к поистине ювелирной работе как во внутренней, так и во внешней политике, чего российским политикам как раз и не хватает.

Здесь мы подходим к одной из ключевых проблем догоняющей модернизации — ведущей роли государства в ускоренном развитии. Эта роль обусловлена тем, что в стране, которая приступает к форсированным преобразованиям, нет, как правило, самостоятельных, сильных субъектов модернизации, прежде всего

² С этой целью, в частности, в 1967 г. была создана региональная интеграционная Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), объединившая первоначально 5 государств — Малайзию, Индонезию, Сингапур, Таиланд, Филиппины — и призванная, по замыслам ее создателей и США, противостоять «красной опасности» в регионе.

класса предпринимателей и слоя технократов, поэтому государство невольно должно выполнять их функции, не говоря уже о его роли в решении социальных проблем. В этом отношении «тигры», включая Гонконг, где, на первый взгляд, проводилась самая либеральная экономическая политика из всех азиатских НИСов, отнюдь не были исключением из общей закономерности догоняющего развития в XX в. Более того, ведущая роль государства в модернизации В/ЮВА соответствовала этатистским традициям этих стран. В то же время она совпадала с самим характером капитализма XX столетия, чего не учел даже проницательный М. Вебер, зафиксировавший возраставшее значение бюрократии в индустриальном обществе. Именно государство стало главным «строителем капитализма» и предпринимателем в НИСах. Причем в некоторых случаях оно управлялось доминировавшей массовой партией или объединением партий (ПАП в Сингапуре, УМНО в Малайзии, Гоминьдан на Тайване, Голкар, опекаемый военными, в Индонезии). Такая партия обеспечивала консолидацию общества и правящей элиты, с ее помощью государство определяло приоритеты и стратегию развития. Разумеется, правление доминантных партий в странах В/ЮВА было авторитарным: существовали авторитарные политические режимы, которые обеспечивали политические и институциональные условия для решения модернизационных задач (*авторитаризм развития*) [Авторитаризм и демократия в развивающихся странах 1996, с. 108—123, 298—305]. Нередко они жестко и даже жестоко подавляли выражения недовольства проводимой политикой властей (один из наиболее ярких примеров — расправа над участниками студенческих выступлений в южнокорейском городе Кванчжу в 1980 г., когда было убито около 2000 человек). Причём это относилось как к левым политическим силам и профсоюзам, так и к тем, кто сопротивлялся преобразованиям с консервативных позиций. Были нейтрализованы, а то и вовсе устранены с общественно-политической арены представители старых классов традиционного общества, включая колониальную торгово-аграрную олигархию, компрадоров, помещиков-землевладельцев. В частности, в Южной Корее и на Тайване решению этой задачи способствовали буржуазные земельные реформы, проведённые еще в 1950-х годах.

Попытки некоторых российских политиков и публицистов провести параллели между режимами, которые творили азиатское «чудо», и путинской «управляемой демократией» в России [Немцов, Кара-Мурза 2003, с. 8], как раз упускают из виду модернизаторский характер авторитаризмов в восточноазиатских странах. Один из признаков такого («правильного») авторитаризма, который совершенно не просматривается в сегодняшней России, — мобилизационный настрой общества на модернизацию, присущий и элитам, и низам. И те, и другие были готовы жертвовать сиюминутной выгодой ради достижения стратегических успехов, тогда как в России правящие круги отнюдь не собираются затягивать пояса ради инвестиций в новые отрасли промышленности или народное образование.

Фактически руководители нынешних НИСов с начала 1960-х годов придерживались принципа «политические свободы в обмен на материальное благосостояние и повышение престижа страны». Очевидно, что ничего подобного власть в России предложить обществу не может и не хочет, поскольку правящие группы озабочены лишь своим благосостоянием, а также перераспределением доходов и собственности между собой.

Азиатские «тигры» и Россия...

В России не видно и такого признака авторитаризма развития, как стремление власти, бизнеса и общества к расширению контактов с внешним миром, к сознательному и целенаправленному заимствованию западных достижений в области науки и технологий. Наоборот, формально проводя курс на союзнические отношения с Западом (в этом плане можно увидеть аналогии между режимом Ельцина—Путина и режимом Фердинанда Маркоса на Филиппинах в 1972—1986 гг.), российская правящая верхушка одновременно всячески препятствует открытию страны внешнему миру. Подтверждение тому — нелепые законы о гражданстве и въезде—выезде из РФ. Желаящие убедиться в их нелепости могут попробовать пригласить в Россию какого-нибудь иностранного ученого или зарегистрировать у себя дома приехавшего погостить родственника из СНГ. (Оставим в стороне вопрос о коррупции в системе МВД и погранслужбы, для которых открылось новое поле «деятельности».)

Очень часто тот строй, который сложился в НИСах Азии, называют бюрократическим капитализмом. На самом деле — это разновидность государственного капитализма, характерного для большей части XX в., когда менеджеры и бюрократы играют доминирующую роль по отношению к собственникам, а капитал-функция преобладает над капиталом-собственностью. Его основой, как и в государственном (государственно-монополистическом) капитализме на Западе, является государственная монополия на какие-либо ресурсы или виды деятельности (см.: [Чешков 1979, с. 196]). Но сама по себе монополия государства и бюрократии на ресурсы еще не ведет к возникновению бюрократического капитализма. Бюрократический капитализм (и соответственно бюрократическая буржуазия как персонификация бюрократического капитала) возникает там, где чиновники, состоящие на службе в госаппарате, не просто вторгаются в экономику, а начинают заниматься частнопредпринимательской деятельностью или становятся раньше вследствие присвоения части доходов предприятий, причем на постоянной основе.

Чтобы бюрократия превратилась в бюрократическую буржуазию, необходимы два условия: 1) возможность систематического и широкого злоупотребления своим положением в системе госаппарата; 2) материализация плодов этих злоупотреблений не только в виде высоких и сверхвысоких доходов, но и в форме частной предпринимательской деятельности [Симония 1979, с. 199]. Очень часто, хотя и не всегда, бюрократический капитал попросту паразитирует за счет частного и государственного секторов экономики. Чиновники создают теневые частные предприятия, управляемые их приятелями или родственниками, что, как известно, в больших масштабах наблюдалось в СССР в конце 1980-х годов, используют государственные ресурсы и оборудование госпредприятий для частного бизнеса, предоставляют государственные кредиты, к тому же на льготных условиях, тем предпринимателям, которые соглашаются взять чиновников «в долю», либо отдают им часть полученного кредита. Среди других «направлений деятельности» чиновников, олицетворяющих собой бюрократический капитал, нередко значились предоставление дефицитных видов ресурсов за взятки, размещение госзаказов среди знакомых предпринимателей, сдача предприятий и/или оборудования в аренду опять-таки своим приятелям и тоже, разумеется, не безвозмездно. Все эти формы активности бюрократической буржуазии, хорошо известные по российской и СНГовской действительности последних

12—15 лет, были широко распространены еще в Индонезии середины XX в. во время правления президента Сукарно [Симония 1964, с. 87—88].

Но впервые бюрократический капитал и соответственно бюрократическая буржуазия стали складываться в 1920-х—1930-х годах в гоминьдановском Китае. Одним из оплотов бюрократического капитала стала провинция Шаньси, где правил генерал Янь Сишань, добившийся от Чан Кайши провинциальной независимости в обмен на политическую поддержку. (Как тут не вспомнить распространившуюся при Б. Ельцине практику «договоров» между центром и региональными правителями в России 1990-х годов?) Янь Сишань, обложив высокими налогами как мелких крестьян и ремесленников, так и местных богачей, включая помещиков, использовал резервы казны для инвестиций и создания фабричной промышленности. На цели индустриализации привлекались и средства провинциальных банков: в 1930-х годах эти банки направляли свыше половины своих кредитов для развития промышленности. В 1936 г. были созданы 3 казенных банка, которые должны были финансировать промышленное строительство и модернизацию фабрик и заводов. Все это делалось в соответствии с разработанным в провинции 10-летним планом индустриального развития. Интересно, что генерал-модернизатор рассматривал осуществление этого плана как верное средство ликвидировать главную причину влияния Коммунистической партии Китая — бедность народных масс. В этом отношении его можно считать предшественником авторитарных лидеров азиатских НИСов 1960-х—1980-х годов.

Благодаря активности бюрократии Шаньси в провинции появились химические, сталелитейные, цементные и механические предприятия, которые выпускали даже станки, локомотивы и кое-какие сельскохозяйственные машины. Одновременно, помимо очевидных прогрессивных изменений в экономике, неслыханно обогатилась провинциальная бюрократия, фактически став главным предпринимателем.

Позже, в годы войны с японскими интервентами, занимались предпринимательской деятельностью и партия Гоминьдан, и правившая в Китае бюрократия в целом (см. подробно: [Меликсетов 1977, с. 101—108, 255—267]).

В 1940-х годах начал складываться бюрократический капитал и в Таиланде. В то же время в некоторых других азиатских странах бюрократический капитал хотя и существовал, но не стал главным элементом системы хозяйства. Так, он не был характерным явлением в Индии и Сингапуре, ибо там, с одной стороны, издавна существовал частный капитал, достаточно прочно стоявший на собственных ногах, хотя и неспособный поначалу на равных конкурировать с капиталом развитых стран, с другой — действовал мощный по местным меркам госсектор. В Индии бюрократический капитал встраивался в систему то одного, то другого секторов хозяйства и чувствовал себя вольготнее скорее не на федеральном уровне, а на уровне штатов, до которого ни у крупных частных компаний, ни у госсектора порой не доходили руки.

Бюрократический капитал может быть производительным и паразитическим. Это во многом зависит от сферы его приложения. Например, в Индонезии при Сукарно он в основном был связан с экспортом сырья, главным образом древесины и нефти. В результате богатства страны не столько приумножались, сколько расхищались. Еще более паразитический характер носил бюрократический капитал в первые годы правления Ельцина в России [Симония 2000,

Азиатские «тигры» и Россия...

с. 44 и след.]. Это и неудивительно, ибо он возник в результате разложения советской системы и правившей номенклатуры, ее «коммерциализации» [Фурсов 1991, с. 77—81, 1992, с. 116—118]. Эта номенклатура, малообразованная и невежественная, с провинциальными комплексами, в позднем СССР была буквально развращена природными богатствами страны.

Вполне закономерно, что до сих пор доходы российской обуржуазившейся номенклатуры связаны не столько с производством как таковым, сколько с тем местом, которое занимают ее представители в системе власти-собственности. Соответственно правящие в России группы стремятся прежде всего сохранить условия своего существования и по возможности занять более высокую ступень во властной иерархии [Рыбаков 1996, с. 15]. Отсюда вытекает заинтересованность чиновничества и «бюробуржуазии» в новом застое, в этакой «монетизированной» форме брежневизма. Очевидно, что ни о какой модернизации страны в таких условиях не может быть и речи, а пожелания вроде удвоения ВВП за 10 лет, ликвидации бедности и модернизации армии напоминают слова из детской песенки:

Хорошо бы, хорошо бы
Нам кита поймать большого.

А вот в НИСах, в том числе и в Индонезии, но уже при президенте-генерале Сухарто (1966—1998) бюрократический капитал был ориентирован на развитие производительных сил, на то, чтобы страна заняла достойное место в мире, причем это было и условием его самосохранения.

Характерная черта азиатского капитализма не абсолютная власть государственных чиновников над производственной системой, как было в Советском Союзе, а скорее тесное сотрудничество между бюрократами и бизнесом с целью направить последний на осуществление модернизации [Judet 1997, p. 20—21].

Следует подчеркнуть, что вопрос о собственности при азиатском капитализме сам по себе никогда не был главным. Так, в Южной Корее в руках государства находились в основном крупные объекты инфраструктуры — железнодорожный транспорт, электроэнергетика, связь, а также угольная промышленность. Современные предприятия, обеспечившие Корею промышленный рынок, были частными. Но государство само выращивало крупные, ставшие со временем гигантскими, конгломераты — *чеболи*, в руках которых и концентрировалась львиная доля промышленности. Фактически корейское государство создавало монополистическую или в лучшем случае олигополистическую структуру экономики. Причем даже формально контроль над чеболями был сосредоточен в руках узкой группы лиц, часто семьи основного владельца. В 1997 г., к началу финансового кризиса в Азии, семья главного хозяина владела в среднем 43 % активов крупнейших корейских конгломератов, в том числе 60 % — «Хэндай», 49 % - «Самсунга», 41 % - «Дэу», 40 % — LG [Lautier 1999, p. 754].

Иная картина складывалась на Тайване, где в середине XX в. не менее половины промышленной продукции выпускалось на государственных предприятиях. Постепенно их доля уменьшалась, но не столько вследствие приватизации, сколько благодаря росту новых частных предприятий, что всячески поощрялось правительством, которое сознательно способствовало конкуренции между ними и не форсировало чрезмерной концентрации производства и капитала. В то же время для тайваньского капитализма была характерна своеобразная

роль государственных предприятий, которые, как и различные ассоциации промышленников, выполняли функции посредников между государством и частным бизнесом. Госпредприятия размещали заказы в частных фирмах, выстраивали финансовые и технологические цепочки, которые охватывали разные компании, давали рекомендации предпринимателям касательно повышения конкурентоспособности, инвестиций и технологических разработок.

Однако какие бы отношения ни складывались между государственными чиновниками и бизнесом в НИСах Азии, государство в них было достаточно сильным и автономным по отношению к обществу, чтобы последовательно проводить курс на ускоренное развитие национальной индустрии и рыночной инфраструктуры, подавляя или ограничивая частные и групповые интересы, если они в чем-то противоречили целям модернизации. Примечательно, что именно на Филиппинах — в той стране Юго-Восточной Азии, которая как раз и не добилась заметных успехов по части ускоренного развития, государство как система институтов власти и управления было относительно слабым и находилось в прямой зависимости от помещичье-торговой олигархии. Власти Филиппин при авторитарном правлении Фердинанда Маркоса (в 1969 г. он был вторично избран президентом, а в 1972 г. установил свою диктатуру, просуществовавшую до февраля 1986 г.) так и не решились провести радикальную аграрную реформу, которая бы покончила с отношениями личной зависимости крестьян-бедняков и разрушила бы статусно-иерархическую структуру общества, не смогли заставить экспортеров сырья платить ренту в бюджет. Зато, как и Путин, увлекались административными реформами и «усовершенствованиями» управленческой машины. Итогом стал фактический провал амбициозных модернизаторских планов Маркоса, хотя в плане развития инфраструктуры и национального образования им было сделано не так уж и мало [Сумский 2003, кн. 1, с. 43-61, 68-77, 93-107, 123-141].

Филиппины как раз и продемонстрировали неспособность авторитарного режима, привязанного к старым социально-экономическим структурам, обеспечить продвижение страны по пути модернизации. В этом, в частности, состоит урок Филиппин, особенно на фоне их соседей по региону, для России. Пока власть в России привязана к тем или иным «группам влияния», будь то экспортеры сырья или «крышеватели» полутеневого бизнеса в погонах, да еще при отсутствии эффективных политических и правовых институтов, адекватных задачам модернизации, существующий в стране режим не сможет превратиться в авторитаризм развития. Провозглашенная властью равноудаленность от бизнеса по сути своей не меняет природы власти-собственности в России. Коль скоро главным ресурсом по-прежнему остается власть, то и равноудаленность не имеет значения — достаточно иметь в руках административный ресурс.

Еще одно важное отличие восточноазиатской разновидности государственного капитализма от российского квазикапиталистического мутанта, которое в свое время позволило странам В/ЮВА совершить промышленный скачок, это создание «аграрных тылов» — модернизация сельского хозяйства, ликвидация добуржуазных порядков в деревне, формирование класса крестьян-собственников и сельских кооперативов, которые смогли накормить свои страны. Так, аграрные реформы были проведены властями Южной Кореи и Тайваня еще в 1950-х годах, до начала индустриального бума. Аграрная модернизация прошла также в Малайзии, Таиланде и Индонезии. В последнем случае урожай риса с

Азиатские «тигры» и Россия...

1961 по 1990 г. увеличился втрое, достигнув 30 млн т. Площадь же посевов под рис увеличилась лишь в полтора раза, тогда как урожайность выросла с 20 до 50 ц с га [Maurer 1997, p. 145].

Для модернизации индонезийского сельского хозяйства государство выделяло субвенции, которые направлялись на создание производственной инфраструктуры: это и ирригация, и применение удобрений, и строительство дорог, и создание условий для хранения и переработки урожая. Деньги на эти цели изыскивались за счёт экспорта нефти, подорожавшей после нефтешока 1973—1974 гг. Справившись с рисовой проблемой, индонезийское государство приступило к модернизации остальных отраслей аграрного сектора — выращивания маиса, маниоки, сои, арахиса и других культур. Одновременно разворачивались агрономические исследования, развивались системы здравоохранения и массового образования на селе. Инвестициям в человеческий капитал деревни в Индонезии, как, впрочем, и в Таиланде, Южной Корее, на Тайване, уделялось не меньшее внимание, чем строительству складов, амбаров и дорог. Так в сельском хозяйстве НИСов складывалась ситуация, в корне отличная от той, что наблюдалась и наблюдается поныне и в бывшем СССР, и в сегодняшней России, где разговоры о реформах на селе, помощи аграрному производству и так далее вертятся вокруг чего угодно, но только не качества того человеческого материала, который есть в российской деревне.

Кстати, инициаторы восточноазиатской модернизации отчетливо сознавали, что главное в ходе радикальных реформ в условиях индустриального бума — преобразование человеческих привычек и стереотипов поведения, изменение человека. Как отмечал один из отцов сингапурского «чуда» Го Кенг Сы, «именно человек осуществляет экономическое развитие», хотя в теории «человеческому аспекту экономического развития уделяется неадекватное внимание» [Goh Keng Swee 1995, p. 46]. И недаром нынешний премьер Малайзии Махатхир бин Мохамад в книге «Малайская дилемма», наделавшей в начале 1970-х годов немало шума, подчеркивал, что основные препятствия для перемен лежат в сфере культуры и человеческих привычек [Mahathir Mohamad 1977, p. 155—157]. Пытаясь объяснить по горячим следам столкновений 1969 г. между малайцами и китайцами, почему малайцы не могут преуспеть, как и последние, в бизнесе и образовании, Махатхир весьма критично оценил человеческие качества своих соотечественников. Он писал об их лени, инертности, привычке полагаться на судьбу, замкнутости и нежелании учиться — обо всем, что мешает им стать современными. Отсюда следовал вывод: малайцы должны изменить себя [Ibid., p. 59—61].

Очевидно, что для такого вывода нужно было обладать незаурядной решительностью и самокритичностью — качествами, которыми никто из российских правителей не имеет. Никто из них не может решиться обратиться к народу и сказать: «Если вы хотите видеть Россию великой, прежде всего изменитесь сами. Перестаньте пьянствовать и воровать, хамить друг другу, сквернословить и заплевывать шелухой от семечек вагоны метро, научитесь как следует работать и уважать себя». Нет, российские политики лишь заигрывают с народом, потакая самым низменным инстинктам черни и кормя ее обещаниями великого будущего России.

Конечно, изменение системы ценностей и рационализация массового сознания не происходят в один миг. Так, Махатхир, подводя итоги развития НИСов, почти 30 лет спустя после выхода «Малайской дилеммы» писал:

«Модернизация мышления была предпосылкой модернизации экономики». И тут же уточнял: «...Реальная проблема лежит в установлении новых ценностей таким образом, чтобы они не отчуждали и не вызывали отторжения у людей» [Mahathir Mohamad 1999, p. 37]. Эти слова ветерана восточноазиатской модернизации звучат своеобразным укором российской «элите»: она-то как раз умудрилась сделать все возможное, чтобы большинство народа воспринимало преобразования как грабеж со стороны властей и так называемых олигархов.

Надо сказать, что относительным, оплаченным колоссальными жертвами успехом модернизации (до середины 1960-х годов) «большая» Россия в виде СССР обязана *русскому миру*, в частности традициям крестьянского общества с его тягой к простоте и уравнительности, «оборонному сознанию» народа (о другом важном элементе этого успеха — универсалистском «красном проекте» — здесь речь не идет). Опираясь на этот мир, большевикам удалось провести индустриализацию и создать огромную военно-техническую мощь державы. Но «большая» Россия так и не перешла к позднеиндустриальной стадии — не смогла наладить массового производства качественных потребительских товаров длительного пользования на основе инженерной организации труда и технологических инноваций, хотя для этого и предпринимались кое-какие усилия.

Подтверждением тому было, в частности, строительство Волжского автозавода в Тольятти. Причем в начале 1970-х годов был проект построить еще два три завода типа ВАЗа и реконструировать старые автозаводы, чтобы увеличить выпуск легковых автомобилей к 1980 г. в 4—5 раз, т. е. до 4,5—6 млн машин в год [Андрюенко 1988, с. 59]. Но, как известно, такие попытки не получили развития. Их осуществлению препятствовали не только система власти-собственности, догмы малограмотных партийных вождей, дисбалансы в экономике, связанные с чрезмерной милитаризацией страны. Помимо всего этого был ещё *русский мир* — российское полутрадиционное, полусовременное общество, адекватное власти-собственности.

В связи с этим мне вспоминается один эпизод. Возвращаясь однажды из Тольятти, я разговорился с соседом по купе, который занимал в городе должность дорожно-строительного начальника. Он рассказал, что когда в начале 1980-х годов приехал в Тольятти из маленького русского городка, то был поражен бешеным темпом жизни в городе на Волге. «Такой темп я наблюдал только в Москве», — заметил он, вспоминая, как трудно было ему поначалу привыкать к новому ритму. А ведь в СССР был еще и *мир* Закавказья и Средней Азии, который оказался вообще не совместимым с модернизацией позднеиндустриального типа. Ведь последняя предполагает прежде всего рациональную организацию труда ради роста потребления и приумножения собственности, сжатие времени, тогда как в *русском мире* с его ограниченными потребностями (пресловутая русская расточительность — лишь обратная сторона этой ограниченности) главным было пространство, при освоении которого не учитывались ни затраты времени, ни человеческие силы и ресурсы. И этот *мир*, да еще в условиях, когда власть сознательно ориентировалась на отсталые слои населения, брал верх над императивами развития страны.

Между тем успех НИСов в немалой степени был связан с тем, что их модернизация накладывалась на культурное наследие конфуцианства, буддизма и даосизма, на приверженность китайцев и корейцев общинно-корпоративным принципам, на уважение к авторитету государства и старших, на отношение к

Азиатские «тигры» и Россия...

труду как к своему долгу, на традиции бережливости и почитания знаний. Важную роль в восточноазиатской модернизации сыграла и традиция поиска гармонии в многообразии, готовность к изменениям при сохранении преемственности в развитии, стремление к стабильности, даже если ради этого нужно решиться на серьезные перемены.

Традиция общинности (фирма — одна семья) имела большое значение для развития социального партнерства труда и капитала, поиска компромиссов при разрешении конфликтов. С ней же связан и своеобразный социальный патернализм: только в одних случаях функции социальной защиты в основном брало на себя государство (Сингапур), в других — корпорации (как в Корее, где чеболи строили корпоративное, ведомственное жильё для рабочих). При этом власти, ограничивая притязания профсоюзов (подробнее об этом ниже), старались интегрировать и трудящихся, и предпринимателей в структуры и организации, которые выполняли функции по социальной мобилизации во имя развития. Например, лидер официальных тред-юнионов в Сингапуре занимал одновременно пост заместителя премьер-министра, а в стране был учреждён Национальный совет по заработной плате, в работе которого участвовали представители государства, профсоюзов и работодателей и который фактически вырабатывал рекомендации по согласованию интересов представленных в нем сторон.

Выше уже отмечалось, что правительства НИСов приступали к модернизации в неблагоприятных условиях. Однако они сумели не только заручиться благосклонностью США, но и воспользоваться теми процессами, которые дали о себе знать в развитых странах Запада в конце 1960-х и в 1970-х годах. (На то они и «тигры», чтобы ловить историческую удачу буквально за хвост. В этом отношении опыт В/ЮВА для России является поистине бесценным. Он учит, как можно и нужно использовать себе во благо тенденции, разворачивающиеся в мировой экономике.) В частности, они приступили к ускоренной индустриализации, когда в странах Запада начинался кризис позднеиндустриальной, фордистско-кейнсианской экономики и зарождалась постиндустриализация.

Важным моментом этого кризиса был кризис социальный, а именно *кризис труда*. Суть его состояла в том, ни молодежь, ни даже люди среднего поколения не хотели — ни за какие коврижки! — работать у конвейера. Как писал тогдашний президент концерна «Вольво» Пер Гюлленхаммар, «рутинная работа на заводе не связана с тем, что мы можем предложить людям в области образования. До восемнадцати лет учащихся вдохновляют на изучение всевозможных идей, естественных наук, истории, литературы, языков, искусства и музыки, а также на развитие соответствующих трудовых навыков. Многие потом поступают в университеты с мыслью, что это улучшит их шансы на получение работы. Но затем с восемнадцати или двадцати двух до шестидесяти пяти лет мы ожидаем от них, что они будут делать изо дня в день одно и то же в течение восьми часов [Gyllenhammar 1977, р. 9—10]. В то же время благодаря системе социального страхования, пенсиям, всевозможным пособиям, стипендиям сокращалась доля заработной платы в общей сумме доходов наемных работников.

Труд как деятельность, необходимая для содержания себя и семьи, терял свое значение [Rousselet 1974, р. 48 et suiv., 165—168, 227—231]. Соответственно падала и трудовая этика, без которой когда-то был бы невозможен и сам капитализм. Самодовлеющей ценностью становилось не рабочее, а свободное время. В обществе потребления оно играло более важную роль, чем труд как таковой

[Baudrillard 1978, p. 238—251]. Да и для экономики в целом трудящиеся как потребители значили больше, нежели в своем качестве работников. [Carton 1984, p. 19—25]. Попытки решить проблему с помощью повышения заработной платы вели лишь к росту издержек производства. Естественно, это снижало общую эффективность всей экономики.

Одновременно в конце 1960-х годов на Западе стремление крупных корпораций к стабильности порой оказывалось для них важнее коммерческого риска. Но особенности конкуренции на олигополистическом рынке все же побуждали их обновлять ассортимент, осваивать новые ниши рынка. Это вынуждало держать наготове резервные мощности и снижало серийность производства. В погоне за целевой нормой прибыли корпорации все чаще предпочитали повышать цены, раскручивая вместе с государством, привыкшим к дефицитному финансированию, инфляцию [Красильщиков 1994, с. 184—188]. Естественно, это вызывало недовольство широких слоев западного общества, особенно большой части среднего класса, получавшей фиксированные доходы.

Наконец, на рубеже 1960-х—1970-х годов дал о себе знать экологический кризис. Выяснилось, что рост благосостояния оборачивается вредом для здоровья людей.

В то время, когда отрасли массового производства для массового потребления в Западной Европе и Северной Америке столкнулись с комплексом проблем, страны В/ЮВА оказались готовыми предложить западному потребителю качественные и дешёвые изделия массового спроса, производство которых в странах Запада становилось невыгодным. Да и сами западные корпорации начали переводить в Азию часть своих предприятий, вкладывая капиталы в ее экономику.

Так под влиянием внутренней необходимости модернизации и внешних обстоятельств восточноазиатские страны, буквально проскочив за несколько лет стадию импортзамещения, переориентировали свои экономики на экспорт промышленных товаров, освоили обширные ниши на рынках Запада.

Присутствие же Советского Союза на мировых рынках, в том числе в странах Запада, все больше ограничивалось сырьем, нефтью, газом и полуфабрикатами. Доля готовых промышленных изделий (машины, оборудование, транспортные средства и промышленные товары для личного потребления) в экспорте СССР сокращалась: с 24,8 % в 1973 г. она упала до 15,9 % в 1985 г. (рассчитано по: [Народное хозяйство СССР 1976, с. 756; Народное хозяйство СССР 1988, с. 612—613]. Сверхдержава начинала свой дрейф к периферии мировой экономики.

Итак, уже в 1970-х годах векторы развития «большой» России и стран В/ЮВА были направлены в противоположные стороны. С этим были связаны процессы, которые протекали в социальной сфере, в области развития человеческих ресурсов.

3. Индустриальное «чудо» Востока и закат советской системы: социальные аспекты

«Лично мне никогда не нравилось выражение "восточноазиатское чудо", ибо оно как будто предполагает, что наши свершения были достигнуты скорее посредством некоего магического действия, нежели благодаря напряженной работе,

Азиатские «тигры» и Россия...

крови, слезам и таланту наших народов», — заметил Махатхир Мохамад [*Mahathir Mohamad* 1999, p. 27].

Действительно, за азиатским «чудом» стояла каждодневная, кропотливая работа, которую делали от зари до зари миллионы людей, будь то девушки-работницы на сборочных линиях или высшие менеджеры филиалов крупнейших фирм мира. Это «чудо» представляло собой последовательное, хотя и очень быстрое восхождение по ступенькам прогресса — экономического, социального, технологического. Недаром развитие восточноазиатских НИСов часто описывается известной по японскому опыту моделью «летающие гуси», на что впервые еще в 1930-х годах обратил внимание японский экономист К. Акамацу [*Trade and Development Report* 1996, p. 75—81]. Суть этой модели состояла в том, что постепенно страна осваивала производство все более сложных в технологическом отношении товаров, отвоевывая себе ниши в системе мировой экономики и уступая затем выпуск изделий попроще другим странам. Известно, например, что экспортная экспансия Японии после Второй мировой войны началась с вывоза предметов одежды и галантереи — плащей, зонтов, бритвенных принадлежностей и тому подобных нехитрых вещей. Затем страна освоила производство и экспорт оборудования для различных заводов, восстановила полностью разрушенную в 1945 г. судостроительную промышленность, в 1960-х годах освоила выпуск радиоаппаратуры, а там уже было недалеко и до экспорта автомобилей. Примерно той же дорогой следом шли Южная Корея, Гонконг, Сингапур...

Кстати, к сведению российских либералов: даже в Гонконге, который считается образцом успешного догоняющего развития на основе свободного рынка, власти проводили целенаправленную промышленную политику, хотя и делали это в мягких формах. Они уделяли большое внимание образованию и подготовке рабочей силы, обеспечивали предпринимателей информацией о возможностях экспорта их товаров. В анклав действовал Центр производительности, который оказывал частному бизнесу различные услуги технологического характера и давал рекомендации по совершенствованию производства, управления, дизайна готовых изделий, подготовки персонала. При этом администрация Гонконга следила за тем, чтобы соблюдались принципы свободной конкуренции и никому не отдавалось особого предпочтения.

В других индустриальных странах Восточной Азии промышленная политика государства была еще более активной, являясь неотъемлемым элементом их стратегии модернизации. Нередко государство само создавало новые отрасли индустрии. Например, Сингапур благодаря государству после успешного развития легкой промышленности и производства полупроводников освоил производство бытовых электронных приборов, высокоточного металлообрабатывающего оборудования, оптических приборов.

В Южной Корее государство побуждало чеболи осваивать производство новых товаров и новые технологии как посредством личных связей госчиновников с капитанами индустрии, так и через контролируемые правительством или послушные ему банки, которые предоставляли чеболям кредиты и правительственные субсидии. В тех случаях, когда у чеболей хватало сил сопротивляться государственному давлению (хозяева «Хэндэй», например, не хотели участвовать в развитии судостроения), государство создавало свои предприятия в соответствующих отраслях, хотя, как уже было сказано, в обрабатывающей промышленности Кореи госсектор не получил широкого распространения.

Со времен диктатора-генерала Пак Чжон Хи (1961—1979) в Корее вплоть до 1993 г. составлялись пятилетние планы, которые определяли приоритеты экономического развития, причем планы закреплялись законами. Эти законы предусматривали меры, направленные на выполнение планов: вводились ограничения для проникновения в приоритетные отрасли неожиданных новичков, и особенно иностранных конкурентов, устанавливались технические стандарты для оборудования в выбранных отраслях и для готовой продукции, контроль за качеством выпускаемых изделий и за ценами. Государство также проводило, требуя того же от чеболей, научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), создавало фонды для финансирования инвестиций и, конечно же, продвигало готовые товары на рынки зарубежных стран [*Chang Ha-Joon* 1993, p. 141—144]. В 1986 г. законодательные акты, касающиеся развития различных отраслей промышленности, были объединены в единый закон о промышленном развитии, который фактически унифицировал все меры, призванные стимулировать развитие новых и рационализацию уже существующих отраслей промышленности.

Совершенно ясно, что проведение столь активной политики развития требовало огромных ресурсов. Закономерно, что в НИСах (вплоть до начала 1990-х годов) государство сохраняло жесткий контроль над банками и другими финансовыми институтами и, конечно, поддерживало высокие темпы роста накопления. Следуя примеру Японии, «тигриные» правительства осуществляли государственные и всячески поощряли частные инвестиции, предоставляли налоговые льготы в случае инвестирования прибылей, устанавливали повышенные нормы амортизации и т. д. В результате такой политики норма накопления в экономике азиатских стран значительно превысила соответствующий показатель в США, Канаде и странах Западной Европы. Так, в Южной Корее в 1991—1994 гг. она составила 37,1 % от ВВП, в Малайзии — 36,1 %, в Сингапуре — 36,3 %, Таиланде — 40,5 %. Рекорд же по доле накопления в ВВП принадлежал в 1980-х годах Сингапuru, где в течение 1980-х годов она составляла в среднем 42 % [*Trade and Development Report* 1996, p. 110].

Такие масштабы инвестиций были сопоставимы с теми, которые знал СССР в 1930-х годах. Интересно, что в самой Российской Федерации в то время, когда страны Восточной Азии только начинали превращаться в «тигров» мировой экономики, доля ВВП, приходившаяся на инвестиции в основной капитал, на протяжении 1960-х годов составляла от 20 до 24 %, что было близко аналогичным показателям промышленно развитых стран Запада. Но потом эта доля стала постепенно возрастать, достигнув 27 % в 1975 г., 29,5 % — в 1982 г. и 29,8 % — в 1984 г. (рассчитано по: [*Пономаренко* 2002, с. 214]).

Надо сказать, что в России принято считать, будто индустриальный бум НИСов обеспечивался главным образом за счет иностранных инвестиций [*Иноземцев* 1999, с. 353—357]. Действительно, экономический подъем второго поколения «тигров» (Малайзия и Таиланд, в какой-то степени Индонезия) непосредственно был сопряжен с потоками прямых инвестиций из Японии и НИСов первого поколения — Сингапура, Южной Кореи, Тайваня [*Southeast Asia's Misunderstood Miracle* 1997, p. 28—44, 54—55].

Но все же иностранные капиталовложения, вопреки распространенному мнению, сыграли сравнительно скромную роль в инвестиционном буме в Восточной Азии. Их значение состояло в том, что они помогли получить доступ к

Азиатские «тигры» и Россия...

новым технологиям для производства качественных товаров на экспорт и заодно продвинуть эти товары через сети международных корпораций на мировые рынки. Из азиатских НИСов рекорд по доле прямых иностранных инвестиций во всех внутренних капиталовложениях на протяжении 1980-х годов принадлежал Сингапуру. В 1981—1985 гг. они составили 17,4 % всех инвестиций в экономику этой страны, в 1986—1991 гг. — 29,4 %. В Гонконге данное соотношение составляло во второй половине 1980-х годов всего 11,4 %, в Малайзии — 9,7 % [World Investment Report 1994, p. 73]. В Корею и на Тайване оно было существенно ниже. Лишь в первой половине 1990-х годов Малайзия по этому показателю стала подтягиваться до уровня Сингапура, в основном вследствие притока японских, а также корейских и тайваньских капиталов.

Большинство же капиталовложений в НИСах Азии было обеспечено за счет собственных источников, прежде всего доходов от экспорта. В течение 30 с лишним лет экономический рост «тигров» зависел главным образом от наращивания физических элементов капитала, хотя немалую роль сыграло и повышение уровня образования работников [Bosworth, Collins, Chen Yu-chin 1996, p. 111].

Однако быстрое возрастание доли накопления в ВВП имело оборотную сторону — ограничение потребления, что рано или поздно должно было сказаться на качестве рабочей силы. В этом отношении проблемы азиатских НИСов оказались сходными с теми, с которыми сталкивалась в последние два десятилетия своего существования и советская система. В обоих случаях уровни частного и государственного потребления существенно выросли за годы индустриализации, но выросли в меньшей степени, чем увеличивались инвестиции в производство (табл. 2).

Вместе с тем интересно оценить абсолютные размеры среднедушевого потребления населения (домашних хозяйств) России и восточноазиатских стран, причем уже в 1990-е годы, когда индустриализация этих стран стала свершившимся фактом (табл. 3).

Следует заметить, что среди всех указанных в таблице стран самая высокая доля потребления домохозяйств в ВВП (74—75 %) на Филиппинах, которые как раз и не входят в число «тигров»: ведь абсолютный уровень потребления и ВВП на Филиппинах всегда был очень низким. Зато в странах В/ЮВА, которые добились успехов в индустриальном развитии, пропорции между темпами роста ВВП и потребления стали изменяться в пользу последнего лишь в 1990-х годах, да и то не во всех НИСах. В Сингапуре, Малайзии и Таиланде рост частного потребления по-прежнему отставал от динамики ВВП, что следует из расчетов, которые можно сделать на основе приведенных данных.

Нужно отметить, что «страшный» азиатский капитализм при замедленном росте личного потребления по сравнению с динамикой ВВП смог существенно сократить численность и долю бедняков в составе населения всех стран региона (за исключением Филиппин). Так, доля семей, которые по национальным стандартам жили за чертой бедности, с 1985 г. до середины 1990-х годов в Малайзии сократилась с 16 до 10 %, а в Таиланде — с 18 до 13 %. В Южной Корее, по разным оценкам, уже в середине 1980-х годов доля бедных составляла 4,5—6,0 %. На Тайване к числу бедных и в середине 1980-х, и в конце 1990-х годов принадлежало около 1 % всех домохозяйств, а в Гонконге и Сингапуре таких семей не было совсем [ADB 1999 p. 256—257; Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2000, p. 10].

Таблица 2 Динамика потребления и внутренних инвестиций в НИСах Азии и в России, 1960-1997 гг. (1960 = 1,0)

Страна	Государственное потребление ^а				Частное потребление домашних хозяйств				Валовые внутренние инвестиции			
	1970	1980	1990	1997	1970	1980	1990	1997	1970	1980	1990	1997
Гонконг	2,3	6,1	10,2	14,5	2,3	5,9	11,4	17,4	2,0	7,0	9,9	20,8
Сингапур	3,2	6,0	11,3	20,2	1,7	3,1	5,5	8,7	6,5	14,9	21,2	40,8
Тайвань, пров. КНР*	-	-	1,9	2,4	-	-	2,2	3,6	-	-	1,8	3,1
Южная Корея	1,7	3,5	6,3	9,3	2,0	3,8	8,2	13,6	8,3	23,6	76,7	117,7
Индонезия	1,1	3,4	5,3	6,3	1,5	3,5	5,5	9,7	1,6	5,7	11,2	21,9
Малайзия	2,1	5,6	7,3	11,9	1,5	3,0	4,6	7,2	2,1	6,1	8,1	21,6
Таиланд	2,5	6,0	9,2	13,6**	2,0	3,6	6,7	10,2**	4,3	8,1	18,6	33,4**
Россия ***	1,7	2,5	3,4	2,1	1,6	2,6	3,3	2,0	2,0	3,8	6,1	2,4

^а — включая расходы коммерческих и некоммерческих общественных организаций

* — за базовый принят 1981 г. (1981 = 1,0)

** - 1996 г.

*** — за базовый принят 1961 г. (1961 = 1,0)

Рассчитано по: [Пономаренко 2002, с. 214—215, 238; Российский статистический ежегодник 1998, с. 45, 49; Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, 1999, p. 105, 127, 155, 159, 183, 283, 312-313, 333; World Development Report 1984, p. 224-225; World Development Report 1992, p. 232-233; World Development Report 1999, p. 210-211].

Таблица 3 ВВП и частное потребление домохозяйств в расчете на душу населения в НИСах Азии и в России (по паритету покупательной способности валют, в долл. 1990 г.), 1990—1998 гг.

Страна	ВВП на душу населения					Частное потребление домохозяйств				
	1990	1992	1994	1996	1998	1990	1992	1994	1996	1998
Гонконг (особый район НР с 1.VII.97)	17491	19 197	20 631	21440	20 193	9 812	11 104	12 096	12 988	12 225
Корея	8704	9 844	11 014	12 546	12 152	4 552	5 348	5 987	6 883	6 238
Сингапур	14 258	15 672	18 924	21 315	22 643	6 617	7 137	8 370	8 733	8 928
Тайвань, провинция КНР	9 910	11 142	12 393	13 657	15 012	5 427	6 235	7 235	8 075	8 958
Индонезия	2 516	2 831	3 140	3 517	3 070	1 482	1 583	1 874	2 193	2 032
Малайзия	5 131	5 738	6 491	7 376	7 100	2 658	2 884	3 125	3 395	2 947
Таиланд	4 645	5 325	6 149	6 913	6 205	2 627	2 917	3 316	3 766	3 385
Филиппины	2 199	2 095	2 135	2 262	2 268	1 566	1 580	1 588	1 661	1 677
Россия	7 762	6 289	5 024	4 675	4 523	3 675	2 054	2 197	2 301	2 503

Рассчитано по: [Российский статистический ежегодник 1998, с. 49; 2000, с. 249, 251; Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries, 2000, p. 109, 131, 159, 189, 269, 289, 319, 339; Maddison 2001, p. 304-305, 341].

В странах В/ЮВА улучшились также и социальные показатели. За годы индустриализации с 1960—1965 по 1990—1995 гг. там заметно возросла средняя ожидаемая продолжительность жизни, а детская смертность снизилась в 3—4 раза (самый скромный показатель по этой позиции — опять-таки на Филиппинах). Эти же показатели в России (РСФСР/РФ), особенно по показателю продолжительности жизни, явно диссонируют с ситуацией в НИСах (табл. 4).

Азиатские «тигры» и Россия...

Таблица 4 **Изменение показателей средней ожидаемой продолжительности жизни и детской смертности в НИСах Азии, 1960—1995 гг.**

Страна	Продолжительность жизни (число лет)		Детская смертность (на 1000 рождений)	
	1960-1965	1995-1997	1960-1965	1999
Гонконг	66,2	78,5	33	3
Сингапур	65,8	77,1	30	3
Тайвань, провинция КНР	нет данных	75,0 *	нет данных	6
Южная Корея	55,2	72,4	70	8
Индонезия	42,5	65,1	133	42
Малайзия	55,7	72,0	63	8
Таиланд	53,9	68,8	95	28
Филиппины	54,5	68,3	76	31
Россия	68,7 **	66,6	30 **	20

* — приблизительные данные; рассчитаны по: [ADB 2000, p. 289].

** - 1970 г.

Источники: [Human Development Report 1999, p. 168—170; Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2001, p. 35; World Demographic Estimates and Projections 1988, p. 262,266,278,290,300,306,312].

Еще одна важная особенность восточноазиатской индустриализации состояла в том, что увеличение потребления сдерживалось не только у широких масс трудящегося люда, но и у бизнес-элиты. Самоограничение богатых, неотделимое от культурных традиций общинности и социального патернализма, от этических норм, подкреплённых соответствующим налоговым законодательством, было важным элементом того социального механизма, который помогал поддерживать высокие темпы накопления и общественную стабильность. Так, в НИСах первого поколения неравенство в распределении доходов существенно сократилось в 1960-х годах и стабилизировалось в 1970-х, немного увеличившись в 1980-х годах; но при этом оно всё равно оставалось значительно меньшим, чем в 1950-х и начале 1960-х годов, и меньшим, чем в США, Великобритании или Франции [Castells 1998, p. 245]. В Южной Корее при авторитарном режиме правительственные расходы на нужды социального развития возросли с 7—8 % всех расходов в 1960-х—1970-х годах до 20 % в начале 1990-х годов, когда Корея уже переходила к демократическим формам правления [Economic and Social Survey 1999, p. 130—131]. Подобные тенденции наблюдались чуть позже и у «тигров» второго поколения, даже в Индонезии, где часть деловой элиты, особенно приближённая к клану президента Сухарто и его окружению, колоссально обогатилась. В 1990-х годах там не было такого разрыва между богатыми и бедными, как до начала индустриализации.

К сожалению, российский бюрократический (квази)капитализм подобными достижениями в социальной области похвастаться не может. При нем-то масштабы бедности и социального неравенства, и без того немалые при советской власти, достигли латиноамериканского уровня и даже — по сравнению с

некоторыми странами Латинской Америки — превзошли его [Красильщиков 2002, с. 84-90].

По существу в НИСах в модернизацию, хотя и с разной скоростью, включались почти все основные слои общества, тогда как в России в советские времена и тем более сейчас преобразования сопровождались исключением части общества из развития. (В советский период это было исключением в одних отношениях, например, при введении системы прописки или лишении крестьян паспортов, которое переплеталось с «включением» в других — распространением массового образования и повышением социальной мобильности, во многих случаях, правда, через великие стройки гигантских промышленных объектов.)

И все же можно сказать, что потребление и качество жизни основной массы населения в странах В/ЮВА росли прежде всего в той мере, в какой это было необходимо для индустриализации и обеспечения социальной стабильности. Первое время за достижения этой индустриализации большинство людей платили немалую социальную цену. В ходе форсированного роста экономики рабочий люд восточноазиатских стран познал все прелести капиталистической эксплуатации в ее самых суровых формах. Например, до середины 1970-х годов южнокорейские рабочие не знали не только отпусков, но порой даже и выходных дней. Причем на предприятиях, которые выпускали товары на экспорт, эксплуатация была особенно жестокой. Во всех рассматриваемых странах, кроме Сингапура, закрепленная законом продолжительность рабочей недели была равна 48 ч (в Сингапуре — 40 ч, как рекомендовалось Международной организацией труда). На деле, однако, она нередко составляла 50, 60 и более ч. В середине и во второй половине 1980-х годов, в разгар восточноазиатского «чуда», в том же Сингапуре рабочая неделя в промышленности длилась 49 ч, в Корее — 54 ч, Таиланде — более 60 ч. В работающих на экспорт отраслях тайландской экономики половина занятых трудилась более 70 ч. в неделю. В Малайзии рабочие предприятий электронной промышленности порой работали 14—14,5 ч в день. При этом сверхурочные часы работы обычно оплачивались лишь наполовину по сравнению с оплатой основного рабочего времени [Maximin 1997, p. 206; Yearbook of Labour Statistics... 1991, p. 744, 747—750].

Размеры же заработной платы устанавливались в первую очередь в соответствии с задачей экспортной экспансии НИСов, поддержания их конкурентоспособности на мировом рынке, подобно тому как в бывшем СССР величина заработной платы и объем личного потребления зависели в конечном счете от объемов производства в военно-промышленном комплексе, подчиняясь задаче милитаризации страны.

В то же время власти и бизнес-элиты в НИСах Азии прекрасно понимали, что нельзя поддерживать конкурентоспособность и экспортную экспансию растущей индустрии без необходимого развития человеческих ресурсов, без массового образования. В странах В/ЮВА государство создавало систему образования одновременно с развитием индустрии, стремясь обеспечить более высокий уровень образования населения, чем требовался в данный момент для экономики. Это позволяло потом сравнительно легко переходить к новой ступени индустриализации, осваивать более сложные производственные технологии. Так, Южная Корея ещё в 1960 г., до начала индустриального бума, решила проблему грамотности и начального образования экономически активного населения. Позже была почти ликвидирована неграмотность взрослого населения в

*Азиатские «тигры» и Россия...*Таблица 5 **Неграмотность среди взрослого населения (от 15 лет и старше) в НИСах Азии, в %**

Страна	Год	Доля неграмотных
Гонконг	1971	22,7
	1980	14,5
	1990	9,5
Сингапур	1970	31,1
	1980	17,1
	1990	11,0
Тайвань, провинция КНР	1980	18,0
	1990	12,0
Южная Корея	1970	12,4
	1980	6,0
	1990	3,7
Индонезия	1971	43,4
	1980	32,7
	1990	18,4
Малайзия	1970	42,0
	1980	30,4
	1990	21,6
Таиланд	1970	21,4
	1980	12,0
	1990	7,0
Филиппины	1970	17,4
	1980	16,7
	1990	6,4

Источники: [UNESCO Statistical Yearbook 1993, p. 1—19,1—20,1—21,1-22; Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2000, p. 11].

Сингапуре, Гонконге и на Тайване (табл. 5). Неграмотными там оставались в основном пожилые люди, которые по возрасту не могли работать в новых отраслях хозяйства.

Характерно, что расходы на образование в НИСах росли быстрее, чем их экономика. (В Сингапуре на протяжении 30 лет, с 1960 по 1989 г., совокупные расходы на образование, государственные и частные, увеличивались в среднем на 11,4 % в год [*Low, Ton, Soon* 1991, p. 137].) Причем сначала главный упор был сделан на качество начального образования и только потом, в соответствии с новыми задачами индустриализации, приоритетными стали общее и профессиональное среднее образование. Такая практика подкреплялась привилегированным положением фигуры школьного учителя. В Корее к началу 1980-х годов

размер жалования учителя начальной школы достиг уровня жалования капитана корейской армии, а молодые преподаватели колледжей и университетов начинали свою карьеру примерно с такого же жалования, которое получал армейский майор [Amsden 1989, p. 219]. А ведь в обстановке холодной войны армия в Корее была своего рода привилегированной кастой: не нужно забывать, что президенты-диктаторы (Пак Чжон Хи и Чон Ду Хван), при которых произошел индустриальный взлет страны, были армейскими генералами.

Своеобразными привилегиями, помимо высокой заработной платы, пользовались образованные, квалифицированные специалисты и в других странах региона. В Сингапуре ещё в 1980-х годах начала проводиться демографическая политика, нацеленная на увеличение числа детей в образованных семьях: женщинам с высшим образованием при рождении каждого ребёнка назначалось дополнительное пособие, тогда как простолюдники при рождении детей облагались дополнительным налогом [Castells 1998, p. 286].

В то же время правительства НИСов старались сделать высшее образование доступным для широких слоев, проводя в жизнь принцип равных возможностей: каждый желающий при надлежащих способностях и усердии мог сделать себе карьеру [Красильщиков 2001б, с. 369—370].

Фактически в середине 1980-х годов азиатские «тигры» первого поколения по уровню образования экономически активного населения полностью соответствовали позднеиндустриальной стадии развития. Правда, если со школьным образованием в НИСах дело обстояло более или менее благополучно, то в области высшего образования их успехи оказались скромнее. Конечно, и в ней был заметен прогресс, особенно по сравнению с тем, что было до индустриализации. Тем не менее даже в начале 1990-х годов университетское образование в НИСах Азии, за исключением Кореи, не получило должного распространения. В образовании они скорее стремились заимствовать и воспроизвести чужие, пусть даже и передовые технологии, а не разработать и внедрить собственные новации.

«Тигры» не смогли создать у себя и собственную базу научных исследований и опытно-конструкторских разработок (НИОКР), которая бы отвечала уровню их индустриализации и месту в международном разделении труда. Даже Сингапур, в середине 1980-х годов вплотную приблизившийся по основным экономическим показателям на душу населения к лидерам мировой экономики, в 1987 г. тратил на НИОКР только 0,9 % своего ВВП, хотя в развитых странах Запада этот показатель составлял 2,0—2,8 %. «Тигры» же второго поколения — Малайзия и Таиланд — расходовали на научные исследования соответственно 0,1 (1989 г.) и 0,2 % (1987 г.) от ВВП. Лишь в Южной Корее в 1988 г. расходы на науку и технологические разработки составили 1,9 % ВВП [Science and Technology in the New Global Environment 1995, p. 21]. И именно недостаточное развитие инновационной базы и человеческих ресурсов, несмотря на успешную форсированную индустриализацию, сыграло большую роль в том, что к середине 1990-х годов НИСы Азии уже не смогли поддерживать свою экспортную экспансию прежними темпами, столкнувшись с перепроизводством промышленных товаров для рынков Японии, Северной Америки и Западной Европы. Но это перепроизводство на самом деле сопрягалось с нехваткой квалифицированных специалистов [Guiget, Simon 1999, p. 364—373]. За ним стояло несоответствие интеллектуального потенциала и рабочей силы стран В/ЮВА вызовам постиндустриальной эпохи.

Азиатские «тигры» и Россия...

Однако проблема соответствия рабочей силы новым задачам и условиям приняла огромные масштабы также в бывшем Советском Союзе, и, как известно, еще острее стоит сегодня в постсоветской России. Да, достигнутый в СССР еще в 1960-х годах уровень личного потребления позволял подавляющему большинству людей удовлетворять насущные первичные потребности, что по сравнению с царскими временами и недавним советским прошлым было немалым достижением. Но этот уровень не мог обеспечить формирование необходимой для качественного обновления страны рабочей силы и не позволял ликвидировать бедность в СССР.

Разумеется, никаких официальных данных о бедности в Советском Союзе не было и в помине. И все же, основываясь даже на официальной статистике, можно составить представление о масштабах бедности в бывшем СССР, в том числе в Российской Федерации.

Как показали подсчеты, сделанные советскими социологами и экономистами еще во второй половине 1960-х годов, минимум материальной обеспеченности семьи из четырех человек (двое взрослых, двое детей) составлял в то время 205 руб. 60 коп. в месяц. При этом на питание у такой семьи уходило 56 % всех потребительских расходов. Тогда же считалось, что в перспективе минимальный бюджет этой статистически репрезентативной семьи должен обеспечивать расходы на питание в размере не более 51 % всех ее трат. Зато один из так называемых рациональных потребительских бюджетов, которые разрабатывались в те годы как ориентиры для социально-экономической политики, предусматривал доход семьи из четырех человек в размере 613 руб. 20 коп. С учетом выплат и льгот из общественных фондов потребления (ОФП) месячный доход такой семьи должен был бы составлять 653 руб. в месяц, а расходы на питание — 33—34 % всех семейных расходов [Саркисян, Кузнецова 1967, с. 66, 70—71, 125, 166—167]. Считалось, что подобный бюджет позволил бы полностью удовлетворить разумные потребности населения или, выражаясь языком марксистской политэкономии, обеспечивал бы полноценное воспроизводство рабочей силы. По существу таким образом косвенно признавалось, что реальные доходы большинства семей в «государстве трудящихся» не соответствовали этому требованию.

Действительно, у подавляющего большинства советских семей даже в самые благословенные годы (середина 1960-х — вторая половина 1970-х годов) около половины всех расходов уходило на покупку продуктов питания, а вместе с тратами на обеды в заводских, колхозных, школьных и институтских столовых и вовсе 55—60 % [Типология потребления 1979, с. 130 и след.]. Такая доля расходов на питание соответствовала признанной ООН линии бедности в Латинской Америке. Даже выплаты и льготы из ОФП, благодаря которым средние реальные доходы на душу населения увеличивались в то время примерно на 25—30 %, мало спасали положение. И если бы не низкие ставки квартирной платы и символические тарифы на общественном транспорте, то большинство советских семей в 1960-х—1980-х годах жили бы ниже уровня бедности. Такому уровню во второй половине 1970-х годов, по косвенному признанию властей, соответствовал доход 60 руб. в месяц на человека. (С 1 ноября 1974 г. государство стало выдавать в месяц 12-рублевые пособия на детей в возрасте от 1 года до 8 лет, если в семье среднемесячный доход составлял не более 50 руб. на человека в течение года.)

Принимая во внимание этот факт, можно рассмотреть данные по такому крупному городу бывшего СССР, как Одесса. Во второй половине 1970-х годов — вот уж был расцвет «жемчужины у моря» с ее неформальным сектором экономики — 21 % всех жителей получали официальный доход, т. е. без учета доходов от свойственной этому городу теневой деятельности, менее 50 руб. в месяц на человека, 16 % — более 100 руб. [Панюков, Головатюк 1978, с. 191]. Значит, доход 63 % одесситов колебался от 50 до 100 руб. в месяц на среднестатистическую душу. По существу официальные, легальные виды деятельности могли обеспечить большинству горожан доход на уровне или чуть выше уровня бедности.

Используя опубликованные в советской печати эти и подобные им данные о семейных бюджетах, британский исследователь М. Мэттьюз пришел к выводу: от 12 % (Москва, 1979 г.) до 35 % (Новосибирск, 1975 г.) городских семей в СССР находились за чертой бедности. В некоторых регионах Советского Союза доля бедных семей, разумеется, была существенно выше. В целом, по оценкам Мэттьюза, до двух пятых всех семей советских рабочих и служащих, в число которых советская статистика не включала колхозников, в 1970-х годах жили в бедности [Matthews 1986, p. 23—24, 27—28]. Если же взять данные по Российской Федерации за 1975 г., пожалуй, последний относительно благополучный год советской экономики, после которого, началась ее явная деградация, то получится следующая картина. Средняя заработная плата, не учитывая оплату труда в колхозах, где она, как правило, была ниже, равнялась тогда 153 руб. в месяц. Выплаты из ОФП добавляли еще 54 руб. на среднестатистическую душу населения. Зная общую численность занятых в народном хозяйстве РСФСР и численность всего населения республики в середине 1975 г., получаем величину среднедушевого месячного дохода российского жителя в том же году — 102 руб. (рассчитано по: [Народное хозяйство РСФСР 1976, с. 6, 296, 354, 356]). Это в лучшем случае всего лишь в 1,7 раза превышало уровень бедности и, конечно, весьма далеко отстояло от так называемого рационального потребительского бюджета.

Бедность в бывшем СССР, как и в странах тогдашнего третьего мира, как и в современной России, была связана с существованием внутренней центропериферической структуры общества и экономики, которая, в свою очередь, была обусловлена специфической имперской моделью модернизации — гипертрофированным развитием военного производства. Там концентрировались основные — и по качеству, и по объему — ресурсы, как материальные, так и человеческие, лучшие технологии и практические воплощения научных достижений [Ярёменко 1997, с. 12—20]. Более того, социально-экономическая периферизация огромной части территории и населения со временем стала условием поддержания макроэкономического равновесия, всего процесса воспроизводства в СССР. По этому поводу Ю.В. Ярёменко писал: «Не будет преувеличением сказать, что в определённом смысле мы искусственно превращали определённую часть своего населения в алкоголиков, чтобы затем, пользуясь сниженным уровнем их социальных притязаний, загнать их на низкостатусные рабочие места» [Яременко 1997, с. 14].

Очевидно, что существование внутренней периферии в СССР обесценивало его всемирно признанные достижения 1950-х—1960-х годов в области образования. Более того, в 1970-х годах исподволь начиналась деградация советской системы образования и дело не только в том, что замедлялся рост расходов на образовательные цели, как видно из табл. 6.

Азиатские «тигры» и Россия...

Таблица 6а **Динамика расходов на образование из государственного бюджета СССР и других источников, млрд руб. в текущих ценах**

1965	1970	1975	1980
14,1	19,8	26,2	31,3

Источник: [Народное хозяйство СССР 1981, с. 524].

Таблица 6б **Среднегодовые темпы роста за пятилетие, %**

1965-1970	1971-1975	1976-1980
7,03	5,76	3,62

Источник: [Народное хозяйство СССР 1981, с. 524].

Косвенным показателем деградации системы образования в позднем СССР и пренебрежительного отношения власти к этой сфере служит соотношение средней заработной платы в народном образовании и экономике в целом. Если в 1940 г. зарплата учителей и других работников образования в СССР в точности была равна средней по народному хозяйству, то в 1970 г. она составила 88,6 % от средней по стране, в 1975 г. — 86,8, в 1980 г. — 80,5, в 1985 г. — 78,9 %. Еще хуже это соотношение было в Российской Федерации: 86,4 % — в 1970 г., 78,7 — в 1980, 76,9 % — в 1985 г. (рассчитано по: [Народное хозяйство СССР 1986, с. 397—398; Народное хозяйство РСФСР, 1986, с. 23'5]). Так что нынешнее пренебрежение властей к образованию и учителям восходит к советскому прошлому и отнюдь не является порождением одних лишь «реформ».

Наконец, следует признать, что не только азиатские НИСы, но и бывший Советский Союз не обладали научно-технологическим потенциалом, который соответствовал бы задачам глобальной конкуренции с наиболее развитыми странами Запада. Это миф, будто в СССР было чересчур много науки. Было много научных работников, значительная часть которых на самом деле никакой наукой не занимались и заниматься ею не могли ввиду профессиональной непригодности. Что же касается расходов на НИОКР, то с учетом советского ВВП в пересчете на душу населения по паритету покупательной способности валют они были в 2—3 раза меньше, чем в развитых странах. Да и сосредоточены они были главным образом в военно-промышленном комплексе. Известно и то, что многие академические институты, формально открытые, занимались исследованиями для военных целей.

Таким образом, и бывший Советский Союз, и постсоветскую Россию, и НИСы Азии сближает при всех бросающихся в глаза различиях между ними одно обстоятельство: все они оказались неготовыми вступить в постиндустриальную эру, когда ключевое значение приобретают человеческий капитал, научные знания и творческие возможности страны. Правда, эта неспособность проявилась по-разному — в одном случае распалась вторая сверхдержава мира, в другом разразился острый финансовый кризис.

4. Россия и «тигры» после кризиса

О кризисах, которые пережили в 1997—1998 гг. НИСы Азии и Россия, можно сказать: если бы их не было, то их следовало бы выдумать.

Кризис в В/ЮВА, начавшийся с девальвации таиландского бата 2 июля 1997 г., обнажил пределы ускоренной индустриальной модернизации в постиндустриальную эпоху — пределы возможностей имитирующего, догоняющего развития даже в его весьма успешном варианте (см. об этом подробно: [Иноземцев 2000а, с. 94—119, 174—198; Красильщиков 2001а, с. 74—81; Красильщиков 2001б, с. 360—364, 368—373]). Кризис в России выявил пределы возможностей для разворовывания правящей верхушкой даже очень богатой ресурсами страны, показал, что возникшая в результате разложения и политической мимикрии старой советской системы виртуальная экономика не имеет прочной, реальной основы. К сожалению, высокая конъюнктура на мировых рынках нефти и газа не позволила окончательно похоронить топливно-сырьевого Змея-Горыныча, а вместе с ним и весь «освобожденный» в результате разложения советской системы, дорвавшийся до вольницы *русский мир* с его пренебрежительным отношением к природе, знаниям и интеллекту, человеческому достоинству.

Азиатскому кризису предшествовало замедление экспортной экспансии НИСов на рынки развитых стран Запада и Японии. Оно усугубилось возросшей конкуренцией со стороны Китая, Индии и Вьетнама, которые в 1990-х годах освоили выпуск дешевых товаров для массового потребления бедными и даже средними слоями населения западных стран. При этом в первой половине 1990-х годов правительства НИСов взяли курс на постепенную либерализацию хозяйства — как под давлением западных партнеров, так и в силу собственных амбиций. В 1993 г. правительство Кореи отказалось от планирования экономики по пятилеткам, которое было неотъемлемым элементом индустриализации страны. Был ослаблен контроль за финансовыми рынками и банковской системой. Это содействовало быстрому наращиванию кредитов, полученных частным сектором, в том числе на мировых финансовых рынках, строительному буму и повышению спроса на недвижимость — в надежде на продолжение экономического роста и успешное развитие инфраструктуры. В результате стала увеличиваться внешняя задолженность индустриальных стран В/ЮВА, причем в этой задолженности преобладали долги со сроком погашения не более года, предполагавшие выплату повышенных процентов. Но оказалось, что расплатиться по долгам в короткий срок нельзя, так как к этому времени изменилась динамика экспорта и замедлился рост доходов. Упала и доходность ценных бумаг, утратили свою привлекательность операции с недвижимостью. Начался сброс акций азиатских компаний, приток капиталов сменился оттоком, что повлекло за собой замедление роста, а в некоторых странах и спад производства.

Сокращение ВВП в ряде стран региона имело очевидные социальные последствия. Особенно пагубными они были в Таиланде и Индонезии, где впервые за многие годы возросло число бедных, а часть населения, оставшись без работы в городах, переселилась назад, в деревню, т. е. там началась деиндустриализация, хотя она и не приобрела таких масштабов, как в СНГ.

Однако уже в 1999 г. «тигры» начали восстанавливать динамику хозяйства, хотя кое-где, прежде всего в Индонезии, этот процесс протекал очень медленно. Свою роль сыграли начавшаяся реструктуризация промышленности и банков, экономия государственных расходов, девальвация валют, позволившая вновь увеличить экспорт на рынки развитых стран, и (в Малайзии) усиление государственного регулирования экономики.

Азиатские «тигры» и Россия...

После кризиса 1998 г. и трёхкратной девальвации рубля, обеспечившей вытеснение импорта с российского рынка отечественными товарами, как известно, начался экономический подъём и в России. Начался во многом благодаря мерам «полукоммунистического» правительства Примакова—Маслюкова, которое на деле оказалось самым прорыночным правительством за всё время реформ в России [Примаков 2001, с. 450—451]. Но ведь экономический рост не тождествен развитию: структура российской экономики и экспорта почти не претерпела изменений, оставшись топливно-сырьевой, периферийной, а система коммерциализированной власти-собственности при отсутствии реальной оппозиции продемонстрировала незаурядную способность к мимикрии.

При этом проблема вхождения в новый, постиндустриальный мир осталась, причем не просто как возможный вариант, а как проблема выживания.

Очевидно, перспективы и азиатских НИСов, и России в постиндустриальном мире определяются тем, смогут ли они освоить новые технологии, а это, в свою очередь, будет зависеть от их человеческих ресурсов, от того, сколь успешно они сумеют решить социальные проблемы. На что же в этом отношении оказался способен в последние годы азиатский капитализм? Каковы тенденции развития человеческого материала в странах В/ЮВА, с одной стороны, и в России — с другой?

Лучше всего, хотя и не полностью, на этот вопрос отвечает динамика индекса человеческого развития (ИЧР), рассчитываемого ООН с учетом ВВП на душу населения по паритету покупательной способности валют, средней ожидаемой продолжительности жизни и уровня образования населения (табл. 7).

Приведенная таблица не вызывает радости по поводу тенденций, возобладовавших в России.

В 1980 г. Российская Федерация принадлежала к группе стран с высоким индексом человеческого развития (более 0,8). В то время никто из «тигров» не входил в эту группу. Зато в 1990 г. в ней уже находились Гонконг, Сингапур и Южная Корея (можно предположить, что сюда же относилась и китайская провинция Тайвань). «Тигры» второго поколения, Малайзия и Таиланд, к началу XXI в. вплотную подошли к группе стран с высоким уровнем человеческого развития, в которую по данным за 2000 г. входили 53 страны, а в 2001 г. — 55. Россия же выпала из числа стран с высоким уровнем человеческого развития, попав в «среднюю группу». У Малайзии по ИЧР в 2000 г. было 59-е место, тогда как в 1960-х годах оно принадлежало Российской Федерации; в 2001 г. Малайзия поднялась на одну ступеньку (58-е место), а Россия съехала на 63-е место (64-е с тем же ИЧР у Колумбии). Таиланд в 2001 г. занимал 74-е место, Филиппины — 85-е, Индонезия — 112-е место с почти таким же, как в РФ, показателем средней ожидаемой продолжительности жизни (66,2 против 66,6). В целом приведённые данные отражают дрейф России в сторону периферии мировой экономики.

Впрочем, об этом дрейфе свидетельствуют и другие показатели, в частности доля бедных в населении и размеры заработной платы большинства работающих по найму.

Говоря о бедности в постсоветской России и в странах Азии, следует учесть, что ООН и Всемирный банк трактуют бедность не только как низкий уровень потребления и материальные лишения, но и как недостаточную доступность образования и медицинских услуг, а также как социальную уязвимость, невоз-

Таблица 7 Динамика индекса человеческого развития в НИСах Азии и России, 1975-2000 гг. *

Страна	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2001
Гонконг (с 1.VII. 1997 - особый район КНР)	0,756	0,795	0,823	0,859	0,877	0,888	0,889
Сингапур	0,722	0,755	0,782	0,818	0,857	0,885	0,884
Южная Корея	0,691	0,732	0,774	0,815	0,852	0,882	0,879
Малайзия	0,616	0,659	0,693	0,722	0,760	0,782	0,790
Таиланд	0,604	0,645	0,676	0,713	0,749	0,762	0,768
Индонезия	0,469	0,530	0,582	0,623	0,664	0,684	0,682
Филиппины	0,652	0,684	0,688	0,716	0,733	0,754	0,751
Россия	—	0,809	0,827	0,824	0,779	0,781	0,779

* Данные по китайской провинции Тайвань (Тайбэй) отсутствуют.

Источник: [Human Development Report 2002, p. 153—154; Human Development Report, 2003, p. 237-239].

возможность «достучаться» до кого-либо для решения своих проблем и бессилие (voicelessness and powerlessness) [World Development Report 2001, p. 15, 20].

И все же, как известно, есть универсальная, абсолютная для всех стран линия бедности, а по существу нищеты — это доход размером 1 долл. в день на человека, причем доллар, исчисленный по ППС. В 1995 г., перед кризисом, такой доход в Корею имели 2 % населения, в Малайзии и Таиланде — менее 1 % и лишь в Индонезии людей с таким доходом насчитывалось 11,4 % (по сравнению с 32,2 % в 1985 г.). Кризис 1997—1998 гг. увеличил долю этих людей до 2 % в Таиланде и до 15,2 % — в Индонезии. В других НИСах людей, живущих за чертой абсолютной бедности, ни до, ни после кризиса не было вообще (предмет особого разговора — Филиппины, но эту страну, как уже отмечалось, и не относят к НИСам). Зато в России в ходе «реформ» более 7 % населения к 1998 г. оказались за мировой чертой бедности [World Development Report 2001, p. 281; *Quibria* 2002, p. 9]. По-своему знаменательно, что послекризисный экономический рост в России практически не сказался на положении тех, кто находится на социальном дне. По данным Госкомстата РФ, в 2000 г. те же 7,1 % населения страны, «обреченной», как уверяют власти, быть великой державой, существовали на 1 долл. в день (по ППС валют) [Россия и страны мира 2002, с. 106].

Но есть и другая, более высокая международная линия бедности, которая учитывает, что бедняки должны есть не один хлеб или рис, запивая его водой. Это ежедневный душевой доход в размере 2 долл. по ППС валют. После кризиса 1997—1998 гг. число людей, живших ниже этого уровня в таких НИСах, как Таиланд и Индонезия, заметно увеличилось. Перед кризисом их доля в Индонезии составляла 58,7 % (1995 г.), в 1999 г. она увеличилась до 65,1 % и в 2002 г. опустилась до 56,4 %. В Таиланде в 1996 г. бедных было 28,2 % населения, в 2000 г. - 35,6 и в 2002 г. - 32,3 % [World Development Report 1999, p. 196-197; *Asian Economic Monitor*, 2002, p. 44, 86]. В России в 1998 г. за международной чертой бедности находились 25,1 % населения, т. е. почти столько же, сколько и в Таиланде. В 2000—2001 гг. этот показатель уменьшился до 11—13 %, да и то

Азиатские «тигры» и Россия...

лишь с учетом ППС (оценка автора по: [Российский статистический ежегодник 2002, с. 187; Россия и страны мира 2002, с. 97]). Зато в Малайзии в начале XXI в. он был равен 9,4 % [Human Development Report 2003, p. 245].

Что касается «тигров» первого поколения, то там, кроме Кореи, даже после кризиса живших менее чем на 2 долл. в день, так и не появилось, а в Корее их доля в населении по-прежнему была не более 2 %. Интересно, что в Корее национальная линия бедности превышает ежедневный доход в 2 долл. по ППС на душу, тогда как, например, в Малайзии, не говоря уже о Таиланде и Индонезии, она находится ниже этого уровня. С этим обстоятельством связаны и различия в данных о числе бедных в разных документах. Так, по оценкам правительств, в 1998 г., т. е. сразу после кризиса, бедные составляли в Таиланде всего 13 % населения, в Малайзии — 8 %, а в Индонезии, наиболее глубоко затронутой кризисом, в 1999 г. за чертой бедности находились лишь 24 % населения против 11 % в 1996 г. В России же доля населения, жившего за чертой бедности в 1996—1997 гг., перед кризисом, составляла 20—22 %, а в 1999 г. она поднялась почти до 30 % (29,9) с последующим понижением до 27,6 % (2001 г.) [Российский статистический ежегодник 2002, с. 190—191; Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 2001, p. 141]. При этом необходимо учесть, что в 1992 г. линия бедности была существенно снижена правительством: из прожиточного минимума были исключены многие продукты и предметы, которые ранее считались обязательными, и только в 1999 г. этот минимум был повышен на 15 %. В него были включены некоторые виды налогов и обязательных расходов.

Уже не раз различными социологическими исследованиями было установлено, что основная причина бедности во многих странах, в том числе в России, — низкая заработная плата. Если заработную плату в России пересчитать по ППС валют, то по сравнению с заработной платой в некоторых НИСах Азии она будет выглядеть просто нищенской (табл. 8).

Приведенные данные по России требуют уточнения: соотношение между заработной платой по ППС доллара и по курсу рубль/доллар здесь выведено с учетом данных ООН о соотношении российского ВВП по ППС и по обменному курсу. Но если принять во внимание, что в России ППС валют по ценам на потребительские товары и услуги (а их-то и покупают получающие зарплату) и по всему ВВП далеко не одинаковы, то с поправкой на ППС по потребительским товарам [Россия и страны мира 2002, с. 97] среднемесячная заработная плата в российской промышленности, рассчитанная по ППС, составит всего 330—350 долл.

Рука об руку с величиной и динамикой заработной платы идут расходы на социальные нужды, прежде всего на образование. Впрочем, сегодня, когда колоссально возрастает значение человеческого капитала для будущего каждой страны, было бы правильнее говорить не о расходах, а об инвестициях в человека, особенно если речь идет об образовании. Это своего рода индикатор качества и здравомыслия как правящих кругов, так и общества в целом. Увы, для России на фоне стран В/ЮВА он не показывает ничего хорошего.

Ни в одной из этих стран, в отличие от России, по сравнению с началом 1990-х годов (даже несмотря на кризис!) государственные расходы на образование не снизились в реальном выражении. Если пересчитать эти расходы на душу населения, то окажется, что страны В/ЮВА, кроме хронически неблагополучных Филиппин и огромной по численности населения — более 200 млн человек — Индонезии, существенно превосходят Россию (табл. 9).

Таблица 8 Среднемесячная заработная плата в промышленности и сфере услуг в НИСах Азии и в России в 2000 г. (в национальной валюте и в долл. США по текущему обменному курсу и по ППС)

Страна	Зарплата в национальной валюте		Зарплата в долл. США	
	един. измерения	размер зарплаты	по курсу валют	по ППС в долл. 1996 г.
Корея	тыс. вон	1727,3	1527,3	2744,6
Малайзия	ринггит	1437	378,2	893,1
Сингапур	Сингапур. долл.	3063,0	1776,7	1808,3
Таиланд	бат	6972 ^а	184,4 ^а	576,8 ^а
Россия ^б	рубли	2735,7	97,3	472,3 ^б

^а — данные за 1999 г.;

^б — данные по добывающей и обрабатывающей промышленности;

^в — с учётом ППС, рассчитанного по данным о ВВП в целом, а не по потребительским товарам.

Рассчитано по: [Российский статистический ежегодник 2001, с. 187; Economic Report 2001, pp. vi, li; Human Development Report 2002, p. 146, 149—150; International Financial Statistics 2001, p. 488,492, 552, 558,710, 714,752, 754, 822, 828; Maddison 2001, p. 298-299, 339; Yearbook of Labour Statistics 2001, p. 883, 885, 888, 890].

Таблица 9 Государственные расходы на общее и высшее образование в НИСах Азии и в России в 2000 г.

Страна	Доля государственных расходов на образование, %		Государственные расходы на образование на душу населения, в долл. США	
	в ВВП	во всех расходах государства	по текущему обменному курсу	по ППС в долл. 1996 г.
Гонконг, особый район КНР	4,1	23,2	999,4	1051,0
Корея	3,6	17,1	353,4	635,1
Сингапур	4,0	21,3	922,8	932,7
Тайвань, провинция КНР	2,4	9,0	334,0	483,0 ^а
Индонезия	0,9	5,2	6,5	27,1
Малайзия	5,9	24,7	227,3	534,7
Таиланд,	4,5	29,6	88,2	280,6
Филиппины	3,7	19,0	35,3	141,8
Россия	3,0	11,0	52,5	255,0 (183,8 ^б)

^а — оценка автора

^б — с учетом ППС по ценам на потребительские товары и услуги

Рассчитано по: [Российский статистический ежегодник 2001, с. 36, 531—532; Asian Economic Monitor 2002, p. 54; Human Development Report 2002, p. 190—191; Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2002, p. xiii, 62-63, 151, 159, 172-173, 181, 202-203, 211, 232-233, 241, 312-313, 321, 334-335, 343, 366-367, 375, 386-387, 395].

Азиатские «тигры» и Россия...

Если же подсчитать расходы государства на нужды образования не на душу населения, а на одну, так сказать, учащуюся душу, т. е. в среднем на одного школьника и студента, то окажется, что в 2000 г. в России эти расходы составили около 265 долл. в год — это 1285 долл. по ППС валют 1996 г. (928 по ППС на рынке потребительских товаров) (рассчитано по: [Российский статистический ежегодник 2001, с. 209, 532; Россия и страны мира 2002, с. 97; Human Development Report 2002, р. 191]), тогда как в Малайзии, например, в 1997—1998 гг. лишь на одного учащегося средней школы, т. е. без студентов колледжей и университетов, центральное правительство и муниципальные власти вместе тратили 1334 долл. по ППС, а в Южной Корее — 3518 долл. [Education at a Glance 2000, р. 54, 94].

Особенно красноречиво выглядят данные о средней заработной плате учителей в странах В/ЮВА и в России, выраженной опять-таки в долларах США по ППС валют. В России, согласно данным Госкомстата, средняя заработная плата в системе образования (включая высшее) в 2000 г. составила 1234 руб. 60 коп. в месяц — 43,9 долл. по тогдашнему обменному курсу или 212,9 (153,7) долл. по ППС (рассчитано по: Российский статистический ежегодник 2001, с. 187; Россия и страны мира 2002, с. 97; International Financial Statistics 2001, р. 710, Human Development Report 2002, р. 191). И даже сегодня, после всех повышений оплаты учительского труда в 2001—2003 гг., российские учителя могут лишь мечтать о той заработной плате, которую получают их коллеги в НИСах Азии. Учитель с 15-летним стажем в 2000—2001 гг. получал на Филиппинах 958 долл. (по ППС), в Таиланде — 1179 долл., в Малайзии — 1553 долл., на Тайване — 1883 долл., в Южной Корее — 3650 долл. в месяц (рассчитано по: [Yusuf et al. 2003, р. 197]). Можно сделать вывод, что для правящей верхушки в России учителя являются одной из самых презираемых категорий работников. Между тем правительство Малайзии считает оплату труда своих учителей недостаточной и намерено существенно повысить ее, чтобы привлечь в школу наиболее образованных и талантливых специалистов [Knowledge-Based Economy 2002, р. 38].

В то же время азиатский капитализм после кризиса 1997—1998 гг. начал искать ответы на новые вызовы именно в сфере образования и научно-технологических разработок наряду с необходимыми мерами по реструктуризации экономики и оздоровлению финансов. Более того, сердцевинной послекризисных реформ, прежде всего в Сингапуре, Малайзии и китайской провинции Тайвань, стала перестройка системы образования с целью переориентировать его на развитие аналитических навыков и творческих способностей школьников и студентов. Как отмечает Линда Лоу из Национального университета Сингапура, «образовательная система должна создавать лидеров с видением будущего и культивировать человеческую неординарность» [Лоу 2001, с. 191]. Кстати сказать, эта задача «освящена» экспертами Всемирного банка [Yusuf, Evenett 2002, р. 39—42, 180]. Но при этом в В/ЮВА никто не собирается «культивировать человеческую неординарность» путем сокращения часов, отводимых для изучения математики, физики и биологии, заменяя их эфемерными предметами типа краеведения или основ православной культуры, как это пытаются делать в России горе-обновители образования. Наоборот, государственная стратегия в области образования и в Корее, и в Сингапуре, и в Малайзии предусматривает расширение и совершенствование преподавания точных и естественно-научных дисциплин. Ведь очевидно, что без них нельзя и думать ни о каких научно-технологических достижениях. Кроме того, благодаря изучению точных наук

формируется рационалистическое, критическое мышление. (Замечу, что в свое время широкое распространение преподавания точных наук, прежде всего математики и физики, не говоря об их прикладных ответвлениях, сыграло немалую роль в саморазрушении советской системы, в размывании бездоказательных идеологем и мифов, которые насаждались ею.) Другое дело, что при этом нельзя обойтись и без социально-гуманитарного знания, хотя бы потому (но не только), что оно способствует развитию эмоционально-образного мышления, без чего невозможно никакое творчество, и уравнивает сугубо технократические подходы к решению социальных проблем.

К сожалению, у тех, кто сегодня взялся проводить реформу образования в постсоветской России, явно нет понимания стратегических, исторических задач, которые объективно стоят перед страной, поэтому и новшества в области образования, да еще при нищенской оплате учителей, ведут к его упрощению, примитивизации. Впрочем, у примитивного, периферийного общества и не может быть чересчур сложной системы образования. И когда выясняется, что студенты Института стран Азии и Африки или экономического факультета МГУ не знают географии, это уже не кажется случайным недоразумением.

А вот азиатский капитализм в отличие от российского бюрократического капитализма, сохраняющего родовые черты власти-собственности, смело выдвигает стратегические цели — большие проекты, которые служат ему своего рода ориентирами развития. Один из примеров таких проектов — стратегическая программа «Перспектива 2020» ("Vision 2020"), выдвинутая премьер-министром Малайзии Махатхиром Мохамадом еще в 1991 г. и нацеленная на превращение страны в постиндустриальное общество. В рамках этой программы сейчас создается «Мультимедийный суперкоридор» (МСК) — огромный технопарк длиной около 50 км и шириной 15 км, призванный стать центром науки и технологических разработок в области информатики и микроэлектроники.

На севере МСК начинается в деловом центре Куала-Лумпура, где в заоблачные выси устремляются небоскребы «Петронас», а заканчивается на юге новым международным аэропортом — самым автоматизированным в мире, где от зала прилета до зала таможенного и паспортного контроля пассажиров везут на метро. Стоимость этого сооружения — чуда уже не XX, а XXI в. — 3,5 млрд долл. Всего же в проект МСК предполагалось инвестировать не менее 15 млрд долл [Kraar, 1997, p. 56—60]. В середине МСК возведены два города — Путраджайа (Putrajaya) и Сайберджайа (Cyberjaya), расположенные по разные стороны от шоссе, соединяющего Куала-Лумпур с аэропортом.

В Путраджайю недавно была переведена официальная столица страны. Этот город, обиталище электронизированного чиновничества, где через 10 лет должны проживать 330 тыс. человек, превращается в резиденцию «электронного правительства», которое должно выпускать (и уже выпускает) циркуляры не на бумагах, а в электронном виде. В скором времени с помощью пластиковых карт, наподобие банковских, граждане страны будут уплачивать налоги и получать разрешения на строительство жилых домов. Деревенские больницы будут связаны компьютерными сетями с кабинетами медицинских светил в крупных городах, чтобы те могли консультировать своих сельских коллег даже во время операций. С помощью информационных сетей предполагается регулировать потоки товаров, в том числе и экспортируемых.

Азиатские «тигры» и Россия...

Сайберджайе отведена роль столицы ученых и инженеров — центра разработок в области информационных технологий и микроэлектроники. Здесь же размещаются мультимедийный университет и другие учебные заведения с дистанционным обучением.

Для строительства и развития МСК правительство Махатхира создало Корпорацию мультимедийного развития (the Multimedia Development Corporation), которая получала государственные инвестиции, одновременно привлекая и частные капиталовложения, в первую очередь капиталы ведущей группы мировых компаний, работающих в сфере информатики и микроэлектроники. Среди 500 зарубежных инвесторов — участников создания МСК — фигурируют «Интел», «Майкрософт», «Сони» и другие известные фирмы.

В перспективе намечено связать МСК с другими кибергородами в Малайзии и в мире, т. е. выстроить сеть подобных коридоров. На этом этапе развития Малайзия намерена войти в число мировых лидеров в области информатики, заложить основы кибернетического законодательства, регулирующего создание и распространение информации, и превратить Сайберджайю и Путраджайю в интеллектуальные центры мирового класса. На третьем, заключительном этапе информатизации Малайзия, по замыслу Махатхира, должна стать глобальной лабораторией для новых мультимедийных разработок, обществом, основанном на знании.

Но позволит ли функционирование МСК действительно перейти к обществу, основанному на знании? Ведь можно заимствовать технологии у более развитых стран и даже преуспеть в собственных разработках, увеличить производство компьютеров и протянуть оптоволоконные кабели чуть ли не по всей стране. Но само по себе это вряд ли приумножит творческие способности людей, о чем так много говорил Махатхир, собирающийся в октябре 2003 г. покинуть пост премьера, который он занимает с 1981 г. (ведь политическому долгожителю В/ЮВА 78 лет).

Да и не все оказалось гладким в обустройстве самого МСК, которое идет не так быстро, как хотелось бы правительству. В то же время неподалеку от Куала-Лумпура, в границах МСК, создается новый очаг инноваций, на сей раз связанных со следующим этапом научно-технической революции, когда вперед выдвигаются биотехнологии, науки, именуемые собирательным термином *life sciences*. Этот очаг по аналогии с Силиконовой долиной в Калифорнии получил название Биодолины. Его костяк составят три финансируемых государством (!) научных института. Предусмотрены серьезные налоговые льготы для частных компаний, которые захотят вложить капиталы в Биодолину. Так, образовался частный венчурный фонд «Спринг Биотек Венчурс» (Spring Biotech Ventures), который продвигает результаты научных исследований на рынке, особенно в фармацевтике [*Prystay* 2003].

Своеобразным дополнением к проектам МСК и Биодолины стал стратегический план развития в Малайзии человеческих ресурсов — необходимого условия экономики, основанной на знании. Кстати, перечисляя факторы, которые являются критически важными для становления такой экономики, авторы плана на первое место поставили не экономическую политику как таковую и не финансы, к чему все сводят капитаны российского бюрократического капитализма, а именно качество человеческих ресурсов: грамотность и уровень образования людей, изучение точных наук и предметов, относящихся к технологиям

(technology-related subjects), объём и эффективность расходов на образование, навыки самостоятельного мышления и инноваций, культуру обучения, умение непрерывно обновлять свои знания, хорошее владение английским языком, готовность приспосабливаться к быстрым переменам [Knowledge-Based Economy 2002, p. 6, 28, 31 et ff.]. При этом авторы не преминули отметить, что и качество человеческих ресурсов, и качество образования во многом связаны с тем, какую зарплату получают учителя [Ibid., p. 31]. Для российских архистратигов и чиновников эта банальная истина остается непостижимой и не столько в силу их невежества, сколько по причине их полного безразличия и к учителям, и к судьбам страны в целом.

Однако для становления экономики, основанной на знании, имеет значение не только положение тех, кто учит школьников и студентов, разрабатывает новые технологии и совершает научные открытия. Не менее важен уровень потребления и рядовых работников, прямо не связанных со сферой интеллектуальной деятельности. Важен, по меньшей мере, по двум причинам. Во-первых, он расширяет возможности для формирования современной рабочей силы, во-вторых, стимулирует капитал внедрять новые технологии, совершенствовать организацию производства, не говоря уже о социальном эффекте высоких доходов. Надежды на то, что низкие зарплаты помогут обеспечить продвижение своих товаров на мировых рынках, нужно оставить в прошлом. Социально безответственная экономика дешевого человека не может быть конкурентоспособной в постиндустриальном мире.

Вместе с тем в плане личного потребления и заработной платы после кризиса 1997—1998 гг. ни в НИСах Азии, ни в России принципиальных изменений пока не произошло. Скажем, в России доля потребления домохозяйств в **ВВП** как находилась до кризиса на уровне 49—50 %, так и находится на этом уровне сейчас, тогда как в странах Западной Европы она достигает 60—65 % и, кроме того, дополняется большими социальными расходами государства. К тому же в России очень неравномерным остается распределение доходов: даже по официальной статистике нижние 20 % населения в последние годы по-прежнему получают около 6 % (5,9—6,1), а верхние — 47—48 % всех доходов при крайней бедности этих нижних слоев [Российский статистический ежегодник 2002, с. 187]. При этом на низком уровне — с учетом износа основных фондов в России — находятся валовые инвестиции: в 2001 г. они составили всего 17,8 % ВВП. Такая доля инвестиций предполагает высокую эффективность экономики, ведущую роль научно-технологических инноваций в повышении общей производительности, чего в России нет и в помине. Власти Российской Федерации ведут страну напрямик к той черте, когда переход к мобилизационной экономике в ее самых грубых формах может стать необходимым условием выживания. Правда, как показывает опыт «тигров», мобилизационная экономика не исключает роста потребления, во всяком случае в той мере, в какой это необходимо для развития самой индустрии. Но сможет ли Россия обеспечить и мобилизацию ресурсов, и рост благосостояния пусть не всех, но хотя бы 60—70 % населения? К сожалению, есть немало оснований сомневаться в этом.

В азиатских НИСах высокой оставалась доля инвестиций в ВВП (кроме Индонезии, где после потрясений, пережитых страной, и в обстановке нынешней нестабильности эта доля и не может быть высокой). Правда, она все же начала снижаться по сравнению с началом 1990-х годов. Например, в Корее

Азиатские «тигры» и Россия...

капиталовложения составили 26,7 % в 2001 г. и 26,1 % ВВП в 2002 г.: на фоне поистине сталинско-молотовских 35—37 % конца 1980-х — начала 1990-х годов это большой шаг вперед. Выросло там и личное потребление до 59—60 % ВВП. Подобные тенденции наблюдались и в Гонконге, и в провинции Тайвань. Зато в Малайзии и Сингапуре, которые стремятся создать у себя постиндустриальную экономику, доля инвестиций в ВВП хотя и упала по сравнению с периодом форсированной индустриализации 1980-х—1990-х годов — в Сингапуре до разумных 21 %, в Малайзии — до 24—25 % ВВП, очень высокой остается доля сбережений, составляя соответственно 44—45 и 41—42 %. Значит, остается и низкой доля частного потребления. В Сингапуре в 2001 г. она составила всего 42,2 % ВВП, в Малайзии - 45,3 % [Asian Development Outlook 2003, p. 48,53,62,70,80,91,95; Key Indicators of Developing Asian... 2002, p. 60—61]. Это уровень, соответствующий скорее стадии ускоренной индустриализации, а не создания *knowledge-based society*, может поставить под угрозу амбициозные планы совершить прорыв к постиндустриальному обществу. Тем не менее было бы наивно предполагать, что НИСы вернуться к своему прежнему периферийному состоянию. Все-таки их политики и бизнесмены, в отличие от российских, умеют учиться не только на своих собственных, но и на чужих ошибках, да и рядовые подданные все вместе образуют в каждой стране народ, а не просто население.

* * *

Один из уроков, который Россия может извлечь из азиатского опыта, состоит в том, что у России существует возможность, скорее теоретическая, чем реальная, удвоить ВВП за 8—10 лет, как предлагает президент Путин, т. е. повторить прыжок «тигров» и приблизиться в 2010—2012 гг. к сегодняшнему уровню Кореи или Тайваня. Правда, Корея и Тайвань тоже вряд ли будут стоять на месте. И если представить себе, что ВВП Кореи будет расти на 4 % в год, то русскому «мишке» понадобится около 25 лет, чтобы догнать корейского «тигра». А вдруг «тигр» будет бежать еще быстрее?

Одновременно из опыта НИСов следует, что для ускоренного роста экономики нужно решать и социальные проблемы. Азиатский капитализм в целом сумел справиться с ними. Сегодня можно лишь мечтать, чтобы бедность в России сократилась так, как она сократилась в Малайзии при Махатхире, не говоря уже о Сингапуре, Тайване или Корее.

Наконец, в заключение нельзя не сказать еще об одной проблеме, которая, как считается, присуща азиатскому капитализму. Речь идет о коррупции.

В последнем международном докладе о мировой коррупции (2003 г.), который составляется «Transparency international» на основе 15 источников информации, представленных 9 солидными организациями (включая Всемирный банк, Всемирный экономический форум, Институт развития менеджмента и др.), даны оценки честности и соответственно коррумпированности госаппарата 102 стран. На первом месте по десятибалльной шкале честности стоит Финляндия (9,7), затем следуют Дания и Новая Зеландия (по 9,5), Исландия (9,4) и Сингапур (9,3). Другой «тигр», Гонконг, оказался на 14 месте (8,2), Тайвань делит 29—30-е места с Эстонией (5,6), Малайзия — 33—34-е с Венгрией (4,9), Южная Корея попала в одну компанию с Коста-Рикой, Иорданией и Маврикием (40—43-е места — 4,5), Таиланд занимает 64—65-ю строчку вместе с Турцией (3,2). А Россия красуется среди группы стран в окружении Кот д'Ивуара, Гондураса,

Индии, Танзании и Зимбабве (71—76-е места с оценкой 2,7). Рядом, на 77—78-м местах, фигурируют Пакистан и Филиппины (2,6). Из всех НИСов В/ЮВА более коррумпированной, чем Россия, является лишь Индонезия, которая делит 96—97-е места с Кенией (1,9). Замыкают список Нигерия (1,6) и Бангладеш (1,2) [Global Corruption Report 2003, p. 264-265].

Как видно из доклада, азиатский капитализм НИСов оказался более честным, чем его российский собрат. И, главное, в НИСах Азии все-таки есть государство, борющееся с коррупцией, а не использующее разоблачения взяточников и казнокрадов для перераспределения властного ресурса в интересах той или иной бюрократической группировки, для обогащения других взяточников и казнокрадов.

Так что если в России на 20—30 лет установится капитализм наподобие корейского или малайзийского, а в экономике будут господствовать русские чеболи, экспортирующие не нефть и газ, а точные приборы, самолеты и автомобили, то такая «азиатизация» будет огромным шагом вперед по сравнению с сегодняшней действительностью бывшей великой державы.

Литература

- Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: Наука, 1996.
- Андрюченко Т.Н. Автомобилизация со знаком минус // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства). 1988. № 10.
- Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2000а.
- Иноземцев В. Приближение катастрофы: Азиатские экономики перед лицом нового кризиса // Свободная мысль. 2000б. № 12.
- Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia — Наука, 1999.
- Иноземцев В. Япония — самая большая «мина» // Независимая газета. 2003. 26 февр.
- Красильщиков В.А. Конец индустриальных модернизаций? // Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001а.
- Красильщиков В.А. Латинская Америка сегодня — Россия завтра (оптимистический вариант будущего России) // Мир России. 2002. № 1.
- Красильщиков В.А. Превращения доктора Фауста (Развитие человека и экономический прогресс Запада). М.: Таурус, 1994.
- Красильщиков В.А. Пределы догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху (опыт индустриальных стран Азии и Латинской Америки) // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков. М.: Эдиториал УРСС, 2001б.
- Лоу Л. Образование и развитие человеческих ресурсов: движущая сила следующего столетия // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Маркс К. Революция в Китае и в Европе // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. М.: Госполитиздат, 1957.
- Маркс К., Энгельс Ф. Первый международный обзор // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956.
- Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927 — 1949). М.: Наука, 1977.
- Народное хозяйство РСФСР в 1975 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1976.

Азиатские «тигры» и Россия...

- Народное хозяйство РСФСР в 1985 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1986.
- Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987.
- Народное хозяйство СССР в 1969 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1970.
- Народное хозяйство СССР в 1975 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1976.
- Народное хозяйство СССР в 1980 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1981.
- Народное хозяйство СССР в 1985 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1986.
- Народное хозяйство СССР в 1987 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1988.
- Немцов Б., Кара-Мурза В.* Путинский курс — прорыв или тупик? // Независимая газета. 2003. 23 мая.
- Панюков В.С., Головатюк В.М.* Социальная паспортизация трудовых ресурсов города // Социологические исследования. 1978. № 3.
- Пономаренко А.Н.* Ретроспективные национальные счета России: 1961—1990. М.: Финансы и статистика, 2002.
- Примаков Е.М.* Постиндустриальная эпоха: вызов российским политикам // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. ВТ. Хорос, В.А Красильщиков. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Российский статистический ежегодник 1998. М.: Госкомстат, 1998.
- Российский статистический ежегодник 2001. М.: Госкомстат, 2001.
- Российский статистический ежегодник 2002. М.: Госкомстат, 2002.
- Россия и страны мира, 2002: Статистический сборник. М.: Госкомстат, 2002.
- Рыбаков В.* «Бюрократическая буржуазия» и проблемы становления капитализма в России / Бюрократический капитализм в России и Третьем мире // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 7.
- Рыжков В.* Интервью // Независимая газета. 1999. 17 июля.
- Саркисян С.А., Кузнецова Н.П.* Потребности и доход семьи. М.: Экономика, 1967.
- Симония Н.А.* Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М: Наука, 1964.
- Симония Н.А.* Соотношение бюрократического капитала и госсектора. Бюрократическая буржуазия — бюрократический капитал — госсектор — госкапитализм: В связи с книгой А.В. Меликсетова «Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927—1949)» (обсуждение) // Народы Азии и Африки. 1979. № 5.
- Симония Н.А.* Становление бюрократического капитализма в России (1992—1998) // Свободная мысль. 2000. №3.
- Соловей В.* Русские против империи // Свободная мысль—XXI. 2002. № 12.
- Сумский В.В.* Фиеста Филипина: Реформы, революции и активное ненасилие в развивающемся обществе: В 2 кн. М.: Вост. литература, 2003.
- Типология потребления / Отв. ред. С.А. Айвазян, Н.М. Римашевская. М.: Наука, 1979.
- Фурсов А.* Кратократия // Социум. 1991. № 9; 1992. № 10.
- Четкое М.А.* Бюрократический капитал Китая и его аналоги в развивающихся странах. Бюрократическая буржуазия — бюрократический капитал — госсектор — госкапитализм: В связи с книгой А.В. Меликсетова «Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927—1949)» (обсуждение) // Народы Азии и Африки. 1979. № 5.
- Явлинский Г.* Демодернизация: Униженные люди не создадут экономику XXI века // Новая газета. 2002. 11—13 ноября. № 83(821).
- Ярёмченко Ю.В.* Теория и методология исследования многоуровневой экономики: Изб. тр.: В 3 кн. М.: Наука, 1997. Кн. 1.
- ADB (Asian Development Bank).* Annual Report 1998. Hong Kong, Oxford: Oxford University Press, 1999.
- ADB.* Annual Report 1999. Hong Kong, Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Amsden A.* Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. N.Y.: Oxford University Press, 1989.

- Asian Development Outlook 2003. Hong Kong: Oxford University Press (China) Ltd. for the Asian Development Bank, 2003.
- Asian Economic Monitor, 2002, October. Metro Manila: ADB, 2002.
- Baudrillard J.* La société de consommation: Ses mythes, ses structures. P.: Gallimard, 1978.
- Bosworth B., Collins S.M., Chen Yu-chin.* Accounting for Differences in Economic Growth// Structural Adjustment and Economic Reform: East Asia, Latin America, and Central and Eastern Europe / Ed. by A. Kohsaka, K. Ohno. Tokyo: Institute of Developing Economies, 1996.
- Carton M.* L'éducation et le monde de travail. P.: UNESCO, 1984.
- Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III: End of Millenium. Maiden (Ma), Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
- CEPAL/ECLAC.* Promover el crecimiento y el bienestar: El papel de las instituciones y los cambios estructurales en Asia. Seminario 29 y 30 de abril de 2002, Santiago de Chile (<http://www.cepal.org/prensa/noticias/noticias/1/9821/...>).
- Chang Ha-Joon.* The Political Economy of Industrial Policy in Korea // Cambridge Journal of Economics. 1993. Vol. 17. N 2.
- Chavigny R.* Économies en transition et économies en développement: Une comparaison // Revue Tiers-Monde. 1997. N 152.
- Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 1998 (UNESCAP). N.Y.: UN, 1999.
- Economic and Social Survey of Asia and the Pacific 2001 (UNESCAP). N.Y.: UN, 2001.
- Economic Report 2001—2002 (Ministry of Finances of Malaysia). Kuala Lumpur: Percetakan Nasional Malaysia Berhad, 2001.
- Education at a Glance: OECD Indicators. 2000 Edition. P.: OECD, 2000.
- Global Corruption Report 2003. Berlin: Transparency International, 2003.
- Goh Keng Swee.* The Economics of Modernization. Singapore: Federal Publications, 1995.
- Guiget P., Simon J.-Ch.* La gestion de l'emploi, obstacle a un nouveau régime de croissance dans les pays industriels d'Asie du Sud-Est // Revue Tiers-Monde. 1999. avril-juin. N 158.
- Gyllenhammar P.G.* People at Work. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1977.
- Human Development Report 1999: Globalization with a Human Face. N.Y.: Oxford University Press for the UN, 1999.
- Human Development Report 2002: Deepening Democracy in a Fragmented World. N.Y.: Oxford University Press for the UN, 2002.
- Human Development Report 2003: Millenium Development Goals: A compact among nations to end human poverty. N.Y., Oxford: Oxford University Press for the UN, 2003.
- International Financial Statistics. December 2001. Washington: IMF, 2001.
- Judet P.* Le développement en Asie: L'État et le marché // États, politiques publiques et développement en Asie de l'Est / Dir. par. C Choquet. P.: Carthala, 1997.
- Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 1999, Volume XXX (Asian Development Bank). Hong Kong, Manila: Oxford Univ. Press, 1999.
- Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2000, Volume XXXI (Asian Development Bank). Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2000.
- Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2001, Volume XXXII (Asian Development Bank). Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2001.
- Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 2002, Volume XXXIII (Asian Development Bank). Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 2002.
- Knowledge-Based Economy. Master Plan. Kuala Lumpur: ISIS (Institute of Strategic & International Studies), 2002.
- Kraar L.* Malaysia: Building a Field of Dreams // Fortune. 1997. August 17.
- Lautier M.* Les paradoxes des restructurations industrielles en Corée du Sud // Revue Tiers Monde. 1999. N 160.
- Low L., Toh M.H., Soon T. W.* Economics of Education and Manpower Development: Issues and Policies in Singapore. Singapore e. a.: McGraw-Hill, 1991.

Азиатские «тигры» и Россия...

- Maddison A.* The World Economy: A Millennial Perspective. P.: OECD, 2001.
- Maddison A.* The West and the Rest in the International Economic Order // Development Is Back / Ed. by J.B. de Macedo, C Foy, Ch. Oman. Paris: OECD, 2002.
- Mahathir bin Mohamad.* The Malay Dilemma. Singapore, Kuala Lumpur, Hong Kong: Federal Publications, 1970 (3rd reprint - 1977).
- Mahathir Mohamad.* A New Deal for Asia. Selangor: Pelanduk Publications, 1999.
- Matthews M.* Poverty in the Soviet Union: The Life-Styles of the Underprivileged in Recent Years. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Maurer J.-L.* Intervention de l'État et «miracle économique». Le rôle de la politique de développement agricole en Indonésie // États, politiques publiques et développement en Asie de l'Est/ Dir. par. C Choquet. P.: Carthala, 1997.
- Maximin B.* L'intervention de l'État sur le marché dans les NPI d'Asie // États, politiques publiques et développement en Asie de l'Est / Dir. par. C Choquet. P.: Carthala, 1997.
- Prystay Ch.* Biotech-Boost // Far Eastern Economic Review, 2003, February 6 — http://www.feer.com/articles/2003/0302_06/p032innov.html
- Quibria M. G.* Growth and Poverty: Lessons from the East Asian Miracle Revisited (ADB Institute Research Paper Series, N 33). Tokyo: ADBI, 2002.
- Rousselet J.* L'allergie au travail. P.: Seuil, 1974.
- Science and Technology in the New Global Environment: Implications for Developing Countries (UNCTAD). N.Y., Geneva: UN, 1995b.
- Southeast Asia's Misunderstood Miracle: Industrial Policy and Economic Development in Thailand, Malaysia and Indonesia / Ed. by K. S. Jomo. Boulder (Col.), Oxford: Westview Press, 1997.
- Trade and Development Report 1996 (UNCTAD). N.Y., Geneva: UN, 1996.
- UNESCO Statistical Yearbook, 1993. P.: UNESCO, 1993.
- Weber M.* Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology (in two volumes). Translated from the German / Ed. by G. Roth and C Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. I.
- World Demographic Estimates and Projections, 1950-2025. N.Y.: UN, 1988.
- World Development Report 1984. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1984.
- World Development Report 1992. Development and the Environment. Washington, N.Y.: The World Bank, Oxford Univ. Press, 1992.
- World Development Report 1998-1999. Knowledge for Development. Washington, N.Y.: The World Bank, Oxford University Press, 1999.
- World Development Report 2000-2001. Attacking Poverty: Opportunity, Empowerment, and Security. Washington, N.Y.: The World Bank, Oxford University Press, 2001.
- World Investment Report 1994. Transnational Corporations, Employment and the Workplace (UNCTAD). N.Y., Geneva: UN, 1994.
- Yearbook of Labour Statistics: Annales des statistiques du travail // Anuario de estadísticas del trabajo, 1991. Geneva: ILO, 1991.
- Yearbook of Labour Statistics: Annales des statistiques du travail // Anuario de estadísticas del trabajo, 2001. Geneva: ILO, 2001.
- Yusuf S., Evenett S.J.* Can East Asia Compete? Innovation for Global Markets. Washington, N.Y.: The World Bank, Oxford University Press, 2002.
- Yusuf S. e. a.* Innovative East Asia: The Future of Growth. Washington, N.Y.: The World Bank, Oxford University Press, 2003.